

Нелли Тарба

Волшебное утро

Перевод с абхазского

Москва
Советский писатель
1988

Художник *Ирина Максимова*

(с) Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1988

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛШЕБНОЕ УТРО

- *Добрый день. Перевела С. Кузнецова*
- *Чудесный спор. Перепела С. Кузнецова*
- *Мосты. Перевела Е. Николаевская*
- *Поэзия ты моя. Перевела С. Кузнецова*
- *«Ты здравицу провозгласил...» Перевела Е. Николаевская*
- *Разговор с Землей. Перевел Г. Регистан*
- *Звон колоколов. Перевела С. Кузнецова*
- *Таинственность. Перевела С. Кузнецова*
- *Говорят мне. Перевела Е. Николаевская*
- *Ветви. Перевела С. Кузнецова*
- *«Ничего в этом мире старого нет...» Перевела Р. Казакова*
- *Ты пела, Тамрико... Перевела Р. Казакова*
- *С солнечной вечной душой. Перевела Н. Хлебникова*
- *Баллада о человеке, победившем смерть. Перевел Ю. Лакербай*

СТРАНА ДОБРОТЫ

- *Рица. Перевел Г. Регистан*
- *Абхазия. Перевела Е. Николаевская*
- *Корабль «Дмитрий Гулиа». Перевела Р. Казакова*
- *Нет, я не Медея... Перевела С. Кузнецова*
- *Памяти Зураба Анчабадзе. Перевел Ю. Лакербай*
- *Баллада о песне и творце. Перевел Ю. Лакербай*
- *Водопад. Перевел Ю. Лакербай*
- *Вечная песня. Перевел Ю. Лакербай*
- *Апсилия (Баллада). Перевела С. Кузнецова*
- *Горькое послание. Перевел Ю. Лакербай*
- *Абхазец и море. Перевела Е. Николаевская*
- *Стихи о море. Перевела С. Кузнецова*

ВРЕМЕНА ГОДА

- *Здравица Новому году. Перевел Г. Регистан*
- *Весна пришла! Перевела С. Кузнецова*
- *Рок. Перевела Е. Николаевская*
- *Друзья. Перевела Е. Николаевская*
- *«Как уголек, что светит сквозь золу...» Перевела Р. Казакова*

- Скажи... *Перевел Ю. Лакербай*
- Помыслы мои, мечты... *Перевела С. Кузнецова*
- Какая женщина стареет! *Перевела С. Кузнецова*
- Трудная ночь. *Перевела С. Кузнецова*
- Раненая птица (Баллада). *Перевела С. Кузнецова*
- Первая победа. *Перевела Е. Николаевская*
- Маме. *Перевела С. Кузнецова*
- О мама родная моя, почему? *Перевела С. Кузнецова*
- Старик и голуби. *Перевела Н. Хлебникова*
- Мельница. *Перевела С. Кузнецова*
- Увидела только сейчас. *Перевел Ю. Лакербай*
- У памятника павшим героям. *Перевел Ю. Лакербай*
- Письмо матери. *Перевела Н. Хлебникова*
- Времена года. *Перевела Е. Николаевская*
- Слава зиме. *Перевела С. Кузнецова*

ИМЯ ТВОЕ

- Женщине. *Перевела Н. Хлебникова*
 - Имя твое. *Перевела Е. Николаевская*
 - Маленькая девочка во мне живет. *Перевела С. Кузнецова*
 - Из Кабардинского цикла. *Перевела С. Кузнецова*
1. Я глазами с тобой говорила
 2. Где та песня?
- Ода мужчинам (Шутка). *Перевел Ю. Лакербай*
 - В голубом мире. *Перевела Р. Казакова*
 - Женщина сына ждала. *Перевела С. Кузнецова*
 - Мать и сын. *Перевела С. Кузнецова*
 - Материнское благословение. *Перевела С. Кузнецова*
 - Возраст благодати. *Перевела С. Кузнецова*
 - Воскрешение. *Перевела С. Кузнецова*

СЧАСТЛИВЫЙ МЕСЯЦ ОСЕНИ

Перевела Т. Пономарева

1. Я тебе не сказала?
2. Я так боялась
3. Я еще
4. По моему состоянию судя
5. У меня есть задание
6. Что делать?
7. В чем вина моя
8. Месяц уходит
9. Ты сказал мне
10. Что с тобой
11. И ты, и я, и те стихи
12. Грех
13. Найди белого коня
14. Судьба
15. Ты
16. Еще я
17. Осень ты последняя
18. Зачем ты встретился?
19. Души моей испытания
20. И были малы расстояния
21. Одно мое имя

ВОЛШЕБНОЕ УТРО

Волшебное
утро

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

Добрый день тебе, добрый день,
разогнавший ночную тень,
давший мне возможность собрать
строки песен в стройную рать,
подаривший право творить,
полным голосом говорить.

День, спасибо тебе за то,
что усерден был как никто,
что удачей труд увенчал,
если Пушкин вдруг зазвучал
под абхазским моим пером,
словно вешний гортанный гром.

Сколько лет прошло в суете!
Сколько лет прошло в немоте!

Было сердце будто сундук,
где укрыт, где запрятан звук
за секретным стальным замком.
И жила я тишком-молчком.

Долго длился этот запрет.
Но, сегодняшним днем согрет,
стих пробился из-под замка,
и дорога стиха легка.
Он течет как живой родник,
изменивший окрестность вмиг.

Он покинул мой тесный двор,
чтоб освоить иной простор,
а за этим стихом — другой,
мне не менее дорогой...
И прощаются все грехи
за рожденные мной стихи.

И надежда сладкая дразнит,
что продлится вечно мой праздник.
Белоснежный резвится конь,
для прекрасных рожден погонь.
Продолженьем родной земли
мир огромный открыт вдали.

Добрый день тебе, добрый день,—
повторять мне нынче не лень.
Не спеши,— прошу,— уходить,
помоги себя утвердить,
помоги заплатить долги,
состояться мне помоги!

ЧУДЕСНЫЙ СПОР

Посвящается девочке Амре и всем ребятам, принимавшим участие в этом споре

Такого шумного спора,
такого умного спора,
такого чудесного спора
еще не знавал наш двор
и помнит его с тех пор.

Затеяли спор тот дети,
что знают все-все на свете.
Их голоса звенели,
как звонкие птичьи трели.

— Балкарец он! Он балкарец! —
твердила всем Халимат.
— Аварец он! Он аварец! —
доказывала Фатимат.

— Да нет же! Он украинец! —
уверяла Оксана.
— Нет! Нет! Бедь он абазинец! —
Джир утверждал упрямо.

— Абхазец!— Амра кричала.
Тамаз отвечал:— Грузин! —
И Гаянэ не молчала:
— Он армянин! Армянин!

Визма сказала: — Чушь!
Была вам спорить охота!
Латыш он!— Да нет! Ингуш! —
в ответ ей заметил кто-то.

— Он осетин! — решила
маленькая Фатима.
— Башкир он! — так рассудила
соседка ее, Катиба.

— Белорус!— белокурая Ганя
повторяла снова и снова.
— Русский! — русая Таня
сказала очень весоמו.

Замолкли все на мгновенье,
глаза широко раскрыв,
не в силах скрыть удивленье.
Но краток был перерыв.

И вновь на щеках румянец,
а спор набирает бег:
— Калмык он! Азербайджанец!
Казах он! Таджики! Узбек!

Ох, как далеко завел их
ребячий смешной задор
и как приблизилась Волга
к абхазской реке Кодор!

...В котором уж поколение,
для каждого свой, родной,
нас греет, как солнце, Ленин
улыбкой своей земной.

МОСТЫ
Борису Карчава

Мосты, мосты,
короткие и длинные,

конструкции новейшей
и старинные,
для переезда и для перехода:
машины мчатся
и гремят подводы...

Мост поперек реки
или над бездной —
мост деревянный,
каменный,
железный,
на сваях, на быках,
цепной, висячий,
летающий через реки —
конь горячий...

Есть мост —
ровесник наших предков, может.
Есть мост,
что внука моего моложе...

Но в мире есть еще мосты —
и эти
несокрушимей всех!..
И нет на свете
такой реки, чтоб их в щепу разбила,
чтобы снесло их паводком весенним...
Разрушить и сломать их —
не под силу
на свете никаким землетрясениям...

Да, есть мосты,
они всех прочих крепче,
надежны, словно дружеские плечи...
По ним врагу заказана дорога,
на них сам черт и вправду
сломит ногу...

Мосты любви,
и дружества,
и братства,
не льется кровь,
не стережет коварство,
не льстят
и без вины не обвиняют...
...Мост сердце с сердцем тот
соединяет...

Мосты, добро несущие, —
от века
связуют с человеком человека.
Мосты — дороги, светом озаренные

и помыслами чистыми рожденные,
их доброта людская возносила,
и в доброте — опора их и сила.
Устой и столбы не рухнут эти,
пока есть люди добрые на свете,
пока перила — дружеские плечи,
останутся мосты залогом встречи,
залогом единенья, не разлуки,
пока перила — дружеские руки...

Мосты, мосты —
пребудут нерушимы,
и будет мир спасен
и люди живы.
Мосты, мосты —
они всего живого
на все века твердыня и основа.

ПОЭЗИЯ ТЫ МОЯ

Дерзкого детства радость,
юности моей сладость,
мудрости моей властность,
старости моей ясность —
поэзия ты моя!

Вечной души горение,
верного сердца биение,
вольного духа мятежность,
горечи неизбежность —
поэзия ты моя!

Смех мой и мои слезы,
тишь моя, мои грозы,
сомнение и доверие,
вера моя и неверие —
поэзия ты моя!

Смелость моя и робость,
ярость моя и кротость,
мягкость моя и твердость,
высшая моя гордость —
поэзия ты моя!

Имя мое простое,
знание мое пустое,
сотое перерождение,
дальнее освобождение —
поэзия ты моя!

Речь моя, мое слово,
песни моей основа,

песни моей скитание,
в толщу лет прорастание —
поэзия ты моя!

Встречи мои и разлуки,
долгие мои муки,
все, что смогла посметь я,
смерть моя и бессмертье —
поэзия ты моя!

Будь же благословенна
кровь твоя в моих венах,
небо твое высокое,
поле твое широкое —
поэзия ты моя!

* * *

Гураму Панджикидзе

Ты здравицу провозгласил.
Ты в ней меня перевозносил,
меня воспел ты и прославил.
Друзей своих передо мной
колена преклонить заставил —
на пьедестал меня поставил!
Я думала:
не мне одной
те предназначены слова,—
наверно, я была права:
моих ровесниц перевознес,
в честь тех ты слово произнес,
кто так нуждался
в добром слове!
И тем, кому не повезло
(а их несчетное число!),
желал ты счастья и здоровья...
В честь тех ты слово произнес,
что некогда на свете жили,
умны, нежны,
прекрасны были
и пролили немало слез...
Все их мечты, что сердце жгли,
невывказанными пропали,
в их душах умерли —
едва ли
они их выразить смогли...
Я кланяюсь им до земли...
Твои высокие слова
в честь тех моих сестер звучали,
кого — в отчаянье, в печали —
с детьми навеки разлучали,

в чужие угоняли дали
и отнимали все права
на жизнь, на смерть и на язык
родной — земли и небосвода...
кто получил — взамен свободы —
в чужом краю предсмертный крик...
Провозгласил хвалу ты в честь
красавиц, что блистали станом,
свет излучали неустанно,—
им жизнь несла дурную весть.
Их ждали купля и продажа,
бесправья тяжкая поклажа...
Тех, чьи мечтанья в поднебесье
орлами устремлялись ввысь,
чьи думы недопетой песней
взлетели — и оборвались...
Ты здравицу провозгласил
в честь женщин,
что со мною рядом
живут, творят в расцвете сил,
дань книгам отдают, нарядам,
растят детей, растят растенья,
ваяют и поют на сцене,
и в полный голос говорят,
и род абхазский продолжают,
и славу предков умножают,
чьи души и сердца горят!..
Ты здравицу провозгласил
в честь тех, кто должен лишь родиться,
кем будем завтра мы гордиться!..
Ты здравицу провозгласил,
ты в ней меня превозносил,
меня воспел ты и прославил,
друзей своих передо мной
колена преклонить заставил...
Я думала:
не мне одной
твое предназначалось слово —
и передать его готова
всем женщинам земли родной!

РАЗГОВОР С ЗЕМЛЕЙ

— О Земля,
как безбрежна твоя широта!
О Земля,
как прекрасна твоя красота!
— Чем я шире,
тем вам же привольнее жить.
Чем красивее я,
тем красивей вам быть.

— О Земля,
как ты боль переносишь легко!
О Земля,
как терпенье твое велико!
— Если я не снесу,
вам придется страдать.
Если мне не терпеть,
где терпенье вам взять!
— О Земля,
как порой ты бываешь жадна!
О Земля,
ненасытна твоя глубина!
— Как, скажите, могу
ненасытной не быть?
Я жадна,
чтобы досыта вас накормить.
— О Земля,
как ты силой могучей горда!
О Земля,
как беспечен твой нрав иногда!
— Я сильна,
чтобы вам эту силу отдать.
Я беспечна,
чтоб вам беззаботными стать.
— О Земля,
почему на тебе столько ран?
О Земля,
почему твоих слез — океан?
— Вам известно,
кто мне эти раны нанес.
Вам известно,
откуда моря этих слез.
— О Земля,
дышит вечностью древний твой лик!
О Земля,
сколько жить тебе?
Срок тот велик?
— Коль не будет меня,
то не будет и вас.
Вас не станет,
настанет последний мой час!

ЗВОН КОЛОКОЛОВ

Бо-ом!..
Бо-ом!..
Колокольный звон
слышится ночью где-то вдали.
Звуки проходят сквозь стены, сквозь сон,
катятся по простору земли.

О чем трезвонят колокола?
Несут ли кому-то горькую весть?
Счастье пророчат, спасенье от зла,
добрую славу, гордую честь?

Недосягаема тайна сия,
и позывные неясны ее...
Нам неподвластен закон бытия,
неотвратимо меча острие...

Бо-ом!.. Бо-ом!..
До-он!.. До-он!..
Вновь замирают наши сердца.
Не прекращается медленный звон,
видно, не будет ему конца.

Может быть, это сошлись времена —
то, что минуло, и то, что грядет?
Что-то вещают, но речь их темна,
а быстротечное время не ждет.

Горе и радость вступили в спор?
Бо-ом!.. Бо-ом!..
Как протяжен звук.
Звоном разбужен
среди черных гор,
из норки выбрался маленький жук.
Летит, но не знает, куда лететь.
Трепещут призрачные крыла...
Не умолкает литая медь.
В сумраке стонут колокола.

ТАИНСТВЕННОСТЬ

— Ку-ка-ре-ку-у! —
по полю летнему...
Чуть свет на Земле петухи ноют.
Первый — второму, второй — третьему
великую тайну передают.

Перекликаются
деревня с деревней,
верста с верстой —
меж лугов и лесов.
Но, как собака оглохшая,
древний
мир наш
не слышит тех голосов.

Что же случилось вдруг с человеком,
что сердцем он постарел

и умом,
вечность бездонную спутал с веком,
о совершенстве забыл самом?

Что заплутал между раем и адом?
...Истина — не видна.
Все с человеком сегодня рядом —
мир и война...

ГОВОРЯТ МНЕ

Говорят мне: «Хватит, отдохни!
Многое успела ты на свете!»
Хоть и выросли, конечно, дети,
сто забот прибавили они...

Говорят мне: «Все оставь дела...»
Делала я все, что мне под силу.
Я себя на части разделила,
но частям себя я раздала...

«Будь спокойна, помни и во сне:
все ты завершила безупречно...»
Да зачем мне сон — покой беспечный?
Без волнения невозможно мне...

Сердце все еще полно огня,
не смогу ни одного мгновенья
жить, тревог не зная и волнения,
и сомненья мучают меня.

Как же я спокойно спать могу?
Ни минуты не было покоя
у меня — как может быть такое,
если перед всеми я в долгу?

Как же я могу спокойно спать,
если где-то рядом во Вселенной,
что всегда казалась неизменной,
небо и земля горят опять?

Если где-то выстрелы гремят,
гибнут дети в материнском чреве,
мир еще в печали, в горе, в гневе,
где-то небо и земля горят.

Можно ль жить спокойно, налегке,
если кто-то мало ль что замыслит,
если мир от случая зависит
и судьба его — на волоске?..

Можно ли спокойно спать и жить,
если где-то гром гремит небесный?
Ваши пожеланья неуместны —
как могли вы это предложить?!

ВЕТВИ

Чем ветви растут быстрее,
тем дальше они от ствола,
как вольные птицы рея.
расправят свои крыла.

Им дерево дарит соки,
надеждой на жизнь дыша.
И ветви и ствол высокий —
ведь это одна душа.

И нет в том ни капли фальши.
У дерева — песнь одна.
Чем ветви уходят дальше,
тем дальше она слышна.

* * *

Ничего в этом мире старого нет.
Ничего в этом мире нового нет.

Длится жизни
и времени водоворот.
День сменяет ночь.
Тьму сменяет свет.

Близнецы
и кривда,
и правда.
Идут
друг за другом они —
там и тут,
там и тут.

Разве новость —
жизни исток и исход,
и забот ваших плод,
и наоборот...

А явились бы к нам
с других планет
пришельцы,—
и это не новость,
о нет!

Нов лишь человек.
Мир новой всего
рождением его
и смертью его.

И новые вскорости
входят радости в м
И новые горести
переполняют мир...

ТЫ ПЕЛА, ТАМРИКО...

В городе Гори в детском ансамбле поет девочка по имени Тамрико Мецрепашвили

Звенела музыка задорно и легко...
О как ты пела песню. Тамрико!

Твой голосочек-родничок лился,
другие заглушая голоса.

Он звал припомнить детство, звал мечты...
Ах, Тамрико, как пела песню ты!

От этой песни, побеждавшей гром,
зеленым одевался мир ковром.

Там, где темно,— там наступал рассвет,
там, где светло,— светлей рождался свет.

Твой голосок был утренней зарей
и звездочкой над спящею землей.

Была та песня искренне юна —
и возвещала взрослый день она.

Была земля огромной, Тамрико,
и небо над тобою, Тамрико!

Вселенная, как будто детский мяч,
припрыгивала с этой песней вскачь.

И на ладони у нее цвело
все, что в тебе летело и росло.

Обрадовал твой голос, Тамрико,
и грусть мне подарил он, Тамрико.

Я слушала с улыбкой, но подчас
невольны слезы вдруг лились из глаз.

Твоя большая песня, Тамрико,
как и тебе, сказала, нелегко.

Кричала песня, сладить не могла
с собой, родное, кровное ждала,

искала... Что искала, Тамрико?
Чем с болью в мир плескала, Тамрико?

Тебе еще так рано взрослой быть!
Еще не время — горестно любить.

Зачем же плачет голос, Тамрико?
Что впереди маячит, Тамрико?

Ты можешь в мире лишь отца искать!
И только мать так горько можешь звать!

Но о сиротстве песня говорит.
Так вот чем сердце Тамрико горит!

О, этот голос вправду голосит,
о детском горе подлинном гласит.

Узнала все из песни, Тамрико.
Потом сказали люди, Тамрико...

Как птенчик — из гнезда, из ласки их
и из пеленок выпала своих

так рано, Тамрико... Ты молоко
сосала из бутылки, Тамрико.

Погибли мать с отцом, к тебе спеша.
Сломалась неокрепшая душа,

как мост, что посредине перебит...
Какая боль в твоей душе кипит!

На сердце у меня такая грусть!
Я на тебя поднять глаза боюсь.

Сиротка-песня, ты — укор душе,
с пеленок взрослой ставшая уже.

И все ж ты не пропала, Тамрико!
Не зря летит твой голос высоко.

Заботливые руки, Тамрико,
тебя ведут по жизни далеко.

Исполнятся заветные мечты.
Не будешь плакать, маленькая, ты!

И только голос бьется и грустит,
и ничего судьбе он не простит.

Но песня — как спасительная весть,
в ней есть вопрос, но и ответ в ней есть.

Твой голос-родничок звучит, поет,
и сам себя в нем каждый узнает.

И небо над тобою высоко,
и мать-земля с тобою, Тамрико!

Пока поешь — Вселенная летит,
как детский мяч, и на тебя глядит.

Так пой же сердцем, страстно, высоко...
Нельзя без песни людям, Тамрико!

С СОЛНЕЧНОЙ ВЕЧНОЙ ДУШОЙ

Послушай-ка, Мир!
Погоди, дорогой.
До нас ты добрался дорогой какой?
Как ты уцелел
до сегодняшних дней?
Как ты не загнал по дороге коней?

Скрестились пути
у добра и у зла.
Темнеют от крови коней удила.
Зияют на лбу
бесконечности ран,
как будто на откуп ты вечности дан.

Как ты одолел
застарелую боль —
усильем скольких человеческих воль?
Не сходишь с ума
почему ты, когда
зажившие раны тревожит беда?

От грозных стихий,
от жестоких людей
как ты охранять умудрялся детей?
Как жизни корабль
среди подводных камней
довел ты, рискуя, до нынешних дней?

Не рухнул с небес
догоревшей звездой,
в ростках не задушен был злой лебедой,

как хрупкий сосуд,
ускользнувший из рук,
о твердь почему не разбился ты вдруг?

Послушай-ка, Мир!
Наконец, мне скажи,
как вечную душу вдыхаешь ты в жизнь?
И, солнце неся
через бездны страстей,
упрямо даришь долголетие ей?

БАЛЛАДА О ЧЕЛОВЕКЕ, ПОБЕДИВШЕМ СМЕРТЬ

В горах рожденный, выросший в горах,
охотником он был, первопроходцем.
Едва взойдет заря — ему пора
по зову сердца и по праву горца
туда, где в дымке контуры вершин,
где бег воды так яростен и гулок!..
Он этот хаос проходил один,
свободно.
словно тихий переулочек.
Но вот однажды среди голых скал
сказало сердце:
мой конец приходит!
Я вижу Смерть, лица ее оскал —
за белым камнем на вершинном взлете!..
И Смерть кинжал вонзила вглубь, до дна
и вслед за ним прошлась сверлом горячим —
и стала алой снега крутизна
в его глазах...
Потом он стал незрячим
от дикой боли...
В небе пустота,
и на земле лишь он один да лани
стоят и смотрят, немые от стыда,
что не умеют облегчить страданье.
И мир настолько сузился тогда,
что стал пещерой,
темной и холодной...
Очнулся он, когда взошла звезда
мерцающею искрой путеводной.
Он был мужчиной — и, остаток сил
собрав, пошел, хватаясь за каменья.
В пустынном небе огонек светил,
как на краю безвестного селенья...
Как в гору, тяжело шагал он вниз,
ступала следом Смерть с ехидным смехом...
Так до людей вдвоем и добрались —
и рухнул он
Под рубленным орехом!

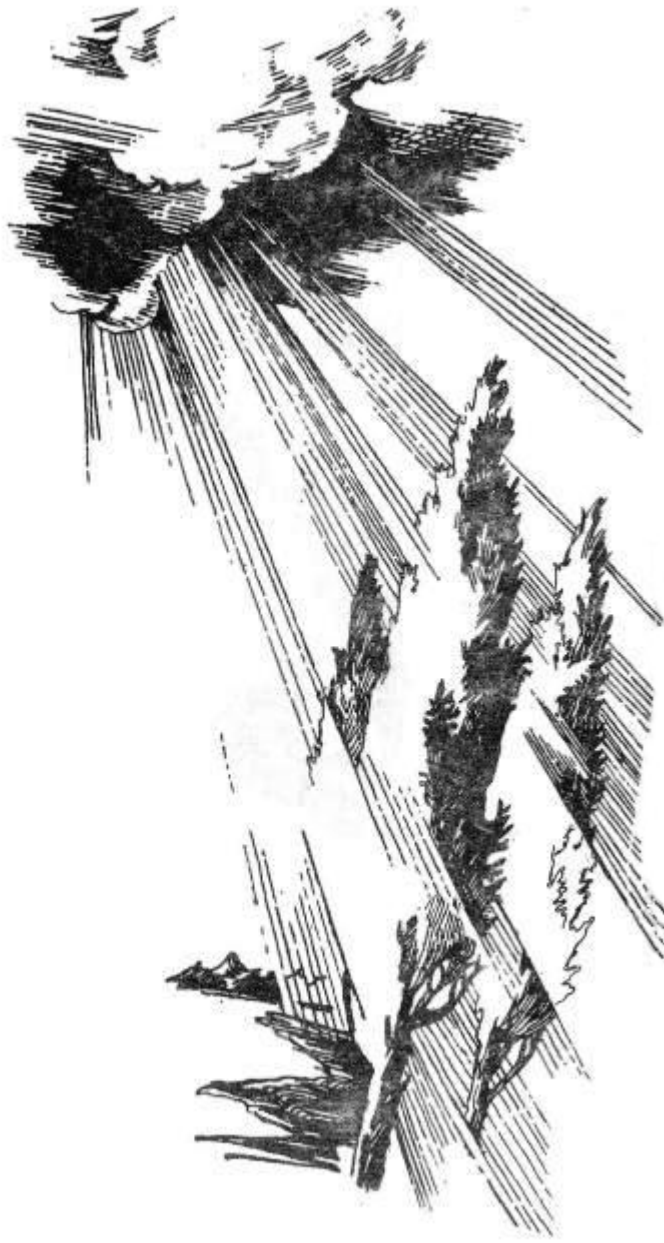
Смерть усмехнулась:
вот теперь он — мой!
Зря торопился так в дома жилые...
Дотронулась костлявою рукой —
а он глаза открыл,
еще живые!
Смерть дрогнула и скрылась за углом,
и люди окружили человека.
Он поглядел:
белым-бело кругом,
как будто вся земля покрыта снегом...
Куда девались синь, луга, цветы —
вся щедрость красок в середине лета?
Все белое —
и это знак беды:
Смерть где-то рядом,
притаилась где-то!
Не захотел в больничный он покой,
и здесь остаться тоже не желал он.
— Хочу я к детям,— он сказал,—
домой! —
Домой дорога долгая лежала...
И люди понимали: риск велик
везти больного круговертью горной,
но чуял он, что рядом в этот миг
таится Смерть,—
и вызов бросил гордо!
Он вышел вновь на бон неравный с
откуда дух такой,
такая сила?!..
Он, полумертв, добрался до детей,
и Смерть-погибель
снова отступила!..

За мужество тебя благодарю,
благодарю за стойкость и терпенье!
Балладу эту я тебе дарю —
прими ее,
мое благословенье.

СТРАНА ДОБРОТЫ

Страна
ДОБРОТЫ

РИЦА

Зелень сосен.
Шелест хвои.
И воды голубизна.
Рица,
чудо голубое,
голубое — сплошь до дна!
Рица, Рица,
Царь-девица —
свет очей,
игра лучей.
Среди гор
царевна Рица —
как в темнице
из камней.
На балетную арену
чья чуть-чуть

похожа гладь?
Скалы чьи
привыкли сцену
зеркалами отражать?
Ты — как чудо,
что, сверкая,
опустилось на простор,—
Лица,
птица голубая
в клетке из зеленых гор.
Синий глаз,
небес синее,—
ты чиста и глубока.
Ветвь немытую
не смеет
опустить в тебя рука.
Позволялось
здесь купаться
только солнечным лучам.
Только бликам
красоваться —
лунным бликам по ночам.
Здесь гулять
имела право
только Сатаней одна,
только лань
здесь танцевала,
над водою склонена.
Ты жила
царевной в башне,
в дивной башне из стекла.
Цепь из гор
тебя, как стража,
крепче злата стерегла.
Ты — невестка,
что скрывала
лик прекрасный от людей
и века
не покидала
брачной комнаты своей.
Но однажды
безвозвратно
мы открыли лик святой.
Без штрафных даров,
бесплатно
подарили образ твой.
Чтобы все
обозревали,
чтоб увидеть все могли
ту святыню,
что скрывали
и веками берегли.

Пусть не каждый
так поступит,
пусть не каждый нас поймет,
кто за доброту
осудит?!
Кто за щедрость проклянет?!
Если грех
мы совершили,
пусть простит за это бог:
что тебя мы
всем открыли,
всех пустили на порог!..
Зелень сосен.
Шелест хвои.
И воды голубизна.
Лица,
чудо голубое,
голубое, сплошь до дна!

АБХАЗИЯ

Страна весны,
любимая навек!
Страна высоких гор
и быстрых рек!

Ты — люлька,
ты — негаснувший очаг,
ты — песня,
от которой — ни на шаг.

Моя улыбка,
мой родимый дом,
ты пахнешь
материнским молоком.

Абхазия —
страна моей любви,
морские дали —
у меня в крови,

дары земли —
земные чудеса,
высокие,
как души,
небеса,

как души,
гордые
твои хребты,
как души,

светлые
твои мечты.

О солнца животворная струя
цвети,
свети,
Абхазия моя!

Красу
и славу
далеко неси,
чего захочешь —
у меня проси!

КОРАБЛЬ «ДМИТРИЙ ГУЛИА»

Не опечалиться могу ли я,
спокойна ли душа моя?
Корабль, чье имя
«Дмитрий Гулиа»,
чужие бороздит моря.
Не режет грудь его упорная,
встречая осень и весну,
в твоих просторах,
море Черное,
родную, теплую волну.
С тобой абхазцы кровно связаны
с истоков, с давних, славных дней.
Тебе судьбой своей обязаны,
надеждой вековой своей.
Ты, море, Черное — и светлое,
ты знаешь, старый, верный друг:
абхазец самое заветное
не любит выпускать из рук...
И все же пусть,
сражаясь с бурейю,
а доброму добро даря,
абхазец лучший,
«Дмитрий Гулиа»,
чужие бороздит моря!
Свой век смогу прожить на свете я
гордясь по праву все сильнее,
что он шагнет через столетия
послом
Абхазии моей.

НЕТ, И НЕ МЕДЕЯ...

Нет, я не Медея,
не Медея,—
говорю я,

чувствами владея.
Говорю я,
правды не тая,—
не Медея,
не Медея я.

Для меня
такого бога нет,
чтоб средь бела дня
затмил весь свет.
Трудно я
любовь пережила,
но чужую кровь
не пролила.
Выше рока
женское наитье:
верю — прока нет
в кровопролитье.
Видно, в генах —
память о беде,
память о набегах,
о вражде.
Давних вех
забыть я не хочу
и за старый грех
теперь плачу.

Нет, я не Медея,
не Медея,—
повторяю,
сердцем холодея.
Повторяю,
боли не тая,—
не Медея,
не Медея я.

Счет ведя
немыслимым утратам
я чиста
перед отцом
и братом.
Не предам
страны своей
врагам.
Совести своей
я не продам.
Золотое
не отдам
руно,
то, святое,
что в душе давно.
По моей вине

меня вини.
Нет на мне
проклятия родни.
Мой герой
такого не добьется.
Но порой
завеса распахнется,
развернется
над моими снами
то, что вечно с нами
вечно с нами:
весь во власти
призрачной идеи,
символ страсти —
черный плащ Медеи.
В час рассветный
входит в бытие
хрип предсмертный
сыновей ее...

Я иная.
Я совсем иная.
Навсегда со мной
страна родная.
Навсегда со мной
страна моя.
Не Медея,
не Медея я...

ПАМЯТИ ЗУРАБА АНЧАБАДЗЕ

Куда идти,
где свет найти
мне в черный день такой?
Утешить чем тебя, Апсны?
Твой верный сын, твой славный сын
под крышкой гробовой!

Моя Апсны,
твой славный сын,
судьбою не храним,
сорвался в пропасть,
как звезда,
и даже скальная гряда
заплакала над ним!

...И этот год
без бед пройдет! —
хвалились мы не раз
и жили радостью одной,
что смерть обходит стороной

достойнейших из нас!

Была черна
в ту ночь луна,
но нимб вокруг сиял.
Сиял он, льдисто-золотой,
над родникового водой,
над полукружьем скал.

То вещей знак —
считалось так
у нас из века в век.
Когда сияет нимб такой,
родится в стороне родной
великий человек!

Но в этот час
сковало нас
предчувствие беды...
Мы крикнули: Отчизна-мать,
над кем нам слезы проливать
? гробовой плиты?!..

В ночи и днем
ходил с ружьем
тот високосный год —
сразил, жестокий, наповал
того, кто миру рассказал,
кем был его народ!

Поведал он,
как царь Леон
владел землей своей,
когда досужие умы
считали, что безродны мы
и нет у пас корней!..

И, духом тверд
среди невзгод,
связал он нить времен
и защитил в нелегкий час
своей великой книгой нас,
как предков — царь Леон!

Теперь он нем
на горе всем!..
Неужто, боже мой,
как в сказках скалы, смерть сомкнет
страницы —
и сто лет пройдет,
пока придет другой?!

Неужто, бог,
нам выпал срок
вновь путь искать впотьмах
и вспоминать в тоске глухой
такое сердце, ум такой
и крыл такой размах?!..

Куда идти,
где свет найти?
Мы на мосту утрат...
Родной истории творец,
забытых подвигов певец,
ты нас прости,
Зураб!

На всех одна
у нас вина,
наш общий крест крутой:
пока имеем, не храним
и дорожим не дорожим
мы в суете пустой!

Нам невдомек,
где наш исток,
приют души живой,
но час придет — начнем рыдать.
как днем ограбленная мать,
прозрев —
какой ценой!..

Моя Апсны,
ушел твой сын —
и скорби я полна!
Сокрыто прошлое во мгле,
не все прочитаны в земле
на камнях письмена!

Хоть был он смел,
не все успел.
Кто помогал ему?..
В сто долгих лет один лишь
такой рождается у нас,
гоня лучами тьму!

И если вновь,
и если вновь
в неведомый мне срок
вдруг обруч льдисто-золотой
взойдет за черною луной,
смотря на наш порог,

скажу я так:

хороший знак,
чтоб веру нам вернуть!
Да повезет тебе,
Апсны!
И пусть другой великий сын
продолжит славный путь!

БАЛЛАДА О ПЕСНЕ И ТВОРЦЕ

Памяти Ивана Лакрба, известного абхазского композитора

Вот и он ушел из мира!..
Трудной жизнь была и долгой.
Прощался тихо с лирой
он в усадьбе одинокой.

В богом проклятой усадьбе —
в стылом очаге ни искры,—
пережив любимых братьев,
стройных, словно... обелиски.

Братьев, как и он, бездетных,—
нет бессрочнее ухода,
нет страшней последней смерти
перед прекращеньем рода!

...Воск свечи, сестра у гроба -
одинокая старуха.
Но, пройдя по горным тропам,
песни встали полукругом.

Близко. В одеянье черном,
словно люди в час печали.
Головы склонили скорбно —
и, как люди, зарыдали...

Когда жил он, песням тесно
было в комнате вот этой —
и они, за песней песня,
разбрелись по белу свету.

И, собою мир заполнив,
отовсюду зазвучали!
Стало и ему просторней —
песни душу врачевали.

С этой доброю подмогой
не одну прошел он кручу
в жизни горькой, в жизни долгой
под звездой невезучей.

Это он вдохнул в них душу —

и с душою благодарной
песни над водой и сушей
встали кольцевой охраной!

Были и роднёю близкой
и сиделками — ночами.
И, к лицу склонившись низко,
колыбельною звучали.

Позже — струнами страданья —
все страдает, даже камень!
И уже у крайней грани
зажурчали родниками —

в двух шагах и так далеко,
в детстве, светлом и беспечном...
И тогда с душою легкой
он ушел от них навечно...

Он ушел от них, но песни
гроб подняли с телом бранным,
в гору понесли все вместе,
молчаливо и бессменно!

Песни — кипарис у входа,
песни — поминальный камень,
песни — продолженье рода,
очагов забытых пламя!..

ВОДОПАД

Скалы вспоров
молнией белой,
сын ледников,
в пропасть летел он!

Лавой всеильной,
рвущейся с неба!..
Начал красиво,
кончил нелепо:

хрупким бокалом —
в сотню осколков...
Грустно мне стало,
грустно и горько!

Песни победной
нет и в помине —
струйкою бледной
в желобе стынет...

Где она, ярость?
Где — поединок?!..
Все, что осталось,—
песня поминок!..

ВЕЧНАЯ ПЕСНЯ

Каждому песня
дана, говорят.
Из поднебесья
она, говорят.
Сердца источник,
ключ, говорят.
Свадебной ночи
луч, говорят.
О незабытом
плач, говорят.
Раненым в битвах
врач, говорят.
Дедовской воли
наказ, говорят.
Голосом крови
в нас, говорят.
 У колыбели —
 уарада уа!
 В час погребенья —
 уарада уа!
 Грузом свинцовым —
 уарада уа!
 Розой свинцовой —
 уарада уа!

Вечное эхо
вершин, говорят.
Древних Аэргов
гимн, говорят.
Горечи горше
она, говорят.
Солнце усопших
она, говорят.
Потухший огонь
гнезда, говорят.
С неба в ладонь
звезда, говорят.
Плача и смеха
бальзам, говорят.
Крик человека
векам, говорят.
 У колыбели —
 уарада уа!
 В день погребенья
 уарада уа!

Розой пунцовой —
уарада уа!
Грузом свинцовым
уарада уа!

Сладкая мука
слов, говорят.
Детям и внукам
кров, говорят.
Мудрая старость,
власть, говорят.
Звонкая радость,
страсть, говорят.
Яблони ствол —
двору, говорят.
Дружеский стол
на пиру, говорят.

У колыбели —
уарада уа!
В час погребенья -
уарада уа!
Грузом свинцовым
уарада уа!
Розой пунцовой —
уарада уа!
Горы и реки —
уарада уа!
Днесь и навеки —
уарада уа!

АПСИЛИЯ (1)

Баллада

Ю. Воронову

Нет Апсилии.
Нет великих,
в грозной силе
царей апсильских.

Где те крепости?
Где бойницы?
Волны вечности
смыли границы.

Где тот бог,
что спасти не смог?
К людям строг
всемогущий рок.

Сохранилась
лишь территория,

и почти забылась
история.

Но ведь были,
существовали —
жизнь любили,
с зарей вставали!

Били тех,
что пришли к ним с боем,
чей успех
утверждался разбоем.

Полны спеси
и длинноруки —
греки, персы,
римляне, турки.
Не отбиться...
Ордой нахлынут.
Дашь напиться —
кувшин отнимут.

Словно с летнего неба —
снег,
за набегом —
новый набег.
В землю мирную —
с гор и с моря
шли лавиною,
с ними — горе.
Горе с запада шло,
с востока,
устремленно, зло
и жестоко.

Апсильцы —
ему навстречу.
Апсильцы
бросались в сечу.
Апсильцы
бросались в бой.
Апсильцы
бились с судьбой.
В тех боях
они погибали,
но в своих сыновьях
воскресали.

Шло в сражение
с исступлением
поколенья
за поколением.

Наставало
мирное время.
Как тогда ликовало
племя!

Сердце радо,
что труд — отрада,
а награда —
гроздь винограда.

Только снова
трубит труба.
Только снова
грозит судьба.
Люди мирные
вновь в тревоге:
персы, римляне —
на пороге.
Не отбиться...
Ордой нахлынут.
Дашь напиться —
кувшин отнимут.

Надо биться
за родину милую,
апсильцам
спасать Апсилию.

Гордость их —
на клинке кинжала.
Твердость их
в боренье мужала.

Смерть искали
они на войне
и сгорали
в вечном огне.

Дни иные
несли перемены:
крепостные
рушились стены.

Укрепления
гибли бросаемые
и селения,
ими спасаемые.

Их родная земля
хоронила.
Им земля

как большая могила.

Одевались
в траву руины,
превращались
в холмы-исполины.

Пропадали
за родом — род,
под холмами —
целый народ.

Опаленные веки
сомкнули,
под камнями навеки
уснули.

Виноватые
без вины,
насмерть смятые
смерчем войны.

Но ушедшее
не убито.
Но ушедшее
не забыто.
В день грядущий,
в просторы синие,
словно души
людей Апсилии,
над долиной —
к свету из мглы —
в путь орлиный
плывут орлы...
Одинокие, гордые,
страстные,
в схватках твердые
и прекрасные,
как те люди,
что песнь не допели,
как те люди,
что небом владели.

В том их сила,
хоть жизнь недосказана.
Нет Апсилии.
Есть Абхазия.

(1) В древней Абхазии — название местности, где жило племя апсилов.

ГОРЬКОЕ ПОСЛАНИЕ

В Турции живущим абхазцам-махаджирам

Где б ни жили,
братья,
вам
счастья не изведать!
Помолитесь ста богам —
ниспошлют лишь беды!

Знаю я наперечет
все печали ваши:
если в сердце дождь идет,
яд в заздравной чаше!

Сыновья Апсны моей,
вы ушли далеко,
отрываясь от корней,
от своих истоков.

Словно нарты — в долгий путь
каменистым полем...
Из ушедших не вернуть
даже сотой доли!

Словно нарты — в край иной
но мостам висячим...
За победою какой,
за какой удачей?

Погловило море всех,
стало вашим роком.
На чужбине горек смех,
песня одинока!

Даже ласточек несет
в отчие долины —
сиротливее сирот
пасынки чужбины!

Вы фамилий лишены,
как кинжалы ножен.
И не выпрямить спины
под незримой ношей!

Где-то в темных сундуках
горсть земли хранится.
Как легка и как горька
бурая землялица!

У истоков рек, в глуши
еще крепки вязы.

В глубине своей души
вы еще абхазы.

Но у мира на виду
вы безродны все же —
отвести от вас беду
уж никто не сможет...

Вы деревья, что выросли
среди чужого сада.
Крону молнии сожгли,
лист побило градом.

Есть у вас свои дела,
есть удачи даже,
но когда на сердце мгла,
яд в заздравной чаше!

Утешенья не найти,
не размыкать горе.
Все дороги, все пути
отсекает море!

Братья, братья,
знаю я
горечь вашей доли.
Оттого и боль моя —
вся из вашей боли!

АБХАЗЕЦ И МОРЕ

Почему ты уплываешь с одержимостью такую
в даль морскую, в глубь морскую
от меня, приезжий друг?
Может, в самом сердце моря что-то спрятано
тобою?

Или море утатило у тебя кого-то вдруг?
В год лишь раз ты ненадолго
в честь сложившихся традиций
приезжаешь в наши горы, в наши жаркие края.
Морем, воздухом и солнцем приезжаешь
насладиться,
приезжаешь, гость мой дальний,
да тебя не вижу я.

В море ты восход встречаешь,
в море — полдень раскаленный,
знойный час, когда от пекла мы скрываемся
в тени.
Ты — морской стихии житель,

до беспамятства влюбленный
в эту синь, в пространство это,—
плаваешь за днями дни.

Ты и в сумерках бессонных
крепко волнами охвачен,
волны словно бы за что-то
на тебя обозлены,—
бьют наотмашь...
Ты в пучине малой точкой обозначен...
Чайки берег облетают
и назад — на зов волны...

И когда на берег выйдешь
для короткой передышки,
всякий раз ты удивленья своего
не можешь скрыть:
как же можно жить у моря
и в волну не прыгнуть с вышки,
как же так — сидеть у моря
и в пучину не заплывать!

— Может, ты не любишь моря? —
говорит он мне с укором.
— Что ты, что ты! — отвечаю,—
Нет сильней моей любви...—
окунаемся, абхазцы, мы
в простор желанный
взором,
неотступно с нами море,
растворенное в крови!

Море, горы... Для абхазца
нет ни ближе, ни дороже...
Глянь на горы: в море вечно
их краса отражена...
Капля моря не коснулась их подножий
ну так что же?..
В глубь живую, в гладь морскую
их душа погружена.

СТИХИ О МОРЕ

1

Что с тобою, тревожное море?
Ты ведь ласковым было вчера.
Встали волны, чернее чем горе,
надвигаются, словно гора.

Знать, обида терзает большая,
что так грозно вскипают валы,

и ревут, берега разрушая,
по-собачьи зубасты и злы.

Бьются волны в фундамент ограды,
видно, жаждут ворваться в мой дом
и смести, унести без пощады
все, что нажито честным трудом.

Плещут волны, беснуются, силясь
показать свою ярость, свой нрав.
Но на землю, где мы поселились,
нет у них — да и не было! — прав.

С добрым замыслом в добрую пору
я на берег песчаный пришла,
голубому морскому простору
никакого не сделала зла.

Здесь отец мой и деды зарыты.
Но покой их сегодня разбит,
и могильные тяжкие плиты
беспощадное море дробит.

Что же, море, случилось с тобою?
Это — бой за полоску земли?
Я готова к подобному бою.
Есть свидетели — те, что ушли...

Море, море, большая, быть может,
приключилась с тобою беда?
Что тебя так жестоко тревожит,
что лишить меня хочешь гнезда?

Ведь живешь, никому не покорно,
видишь звезды, ведешь корабли,
разметнулось привольно, просторно:
вдвое больше тебя, чем земли.

Неужели того тебе мало,
что природою щедрой дано?
Ты бы берег чужой не ломало,
не тащило чужое на дно!

Нет ни смысла, ни чести в разоре.
Оттого-то в полунощной мгле
ты бессильно беснуешься, море,
я спокойно стою на земле.

2

Возле самого синего моря
вбили мы четыре столба.
Подарила мне дом судьба

возле самого синего моря.

На рассвете в простор манящий
открываю свое окно.
Легкий, сладкий, словно вино,
налетает ветер пьянящий.

Нет восторгам моим предела,
и мечтаньям предела нет.
Вдохновенья живительный свет
проникает в душу и тело.

Не страшусь я грозной воды,
что опасна жилью и саду,
хоть которые сутки сряду
море дышит угрозой беды.

Но смиряются волны, однако.
Я на берег иду в тишине.
Море лижет ладони мне,
точно ласковая собака.

И по-прежнему крепок мой дом.
Я ликую, его обживая..
Он — как башня сторожевая,
как маяк в просторе седом.

Не хотела я жить в пустыне,
не искала глухого угла.
Люди — рядом, и жизнь — светла,
и судьбы не боюсь отныне.

А ведь в горы могла бы уйти,
с очагом и жильем в котомке.
Дом у моря, на узенькой кромке,
на зыбучих волнах почти.

Но спокоен дом и устроен.
Я за морем — как за горой!
Друг, ты дом счастливый построй,
дом такой же, как мной построен.

Удалось же такое мне!
А ведь я — человек неумелый.
Как надежда — мой парус белый
на родной голубой волне.

Дружит дом мой с солнцем и ветром,
с миром моря, с миром людей.
Здесь не тронет меня злодей.
Парус белый спешит за светом...

ВРЕМЕНА ГОДА

Времена
года

ЗДРАВИЦА НОВОМУ ГОДУ

Поднимаю и рог к небосводу.
Новый год,
за тебя этот тост.
Между прошлым
и будущим годом
ты пролег,
словно солнечный мост.
Встал ты
солнечной елью зеленой
между прошлым
и завтрашним днем.
Так входи же в наш дом,
окрыленный,
озаренный сердечным теплом.
Ты, хранитель грядущих событий,
помоги нам шагнуть за предел,
годом стань небывалых открытий,

небывалых свершений и дел.
Стань ракетой,
несущей планету
к солнцу ясному мирной зари,
нам о тайнах сокрытых поведай,
наши семьи детьми одари.
И меня не оставь без вниманья,
жизнь даруй моей новой строке —
я все время живу ожиданьем,
что она уже невдалеке.
Как прогретая пашня, готово
к зернам строк
мое сердце в груди.
Ах, как хочется новое слово,
песню новую людям нести.
Ах, как хочется, чтоб новогодний
тост свершился,
мечта ожила!
Ведь недаром впервые сегодня
рог с вином
я в руке подняла!

ВЕСНА ПРИШЛА!

— Чему я радуюсь, чему
в своем ветшающем доме?
Весна пришла! Весна пришла
Весть птичья стая принесла.

Великодушным став, перо
творит веселье и добро.
Весна пришла! Весна пришла!
Верховной волею светла!

Зеленый конь в моем дворе
проржал сегодня на заре:
— Весна пришла! Весна пришла
Вершите все ее дела!

РОК

Он снился мне давно — все тот же снился сон,
мечта жила в душе, девчонкою владея:
чтоб некто вдруг ко мне явился, как Язон,
встречала б я его у моря, как Медея.

Я подросла еще, прибавились года,
я в юной правоте Медею осуждала,
ее я назвала изменницей тогда,
непримиримо к ней я относиться стала...

О, как она могла — с чужими заодно!..
Пришельцам помогать своей волшебной властью!..
Вот брат ее убит, похищено руно,—
и в этом всем — ее рука, ее участие...

В переплетенье снов и яви я жила,
теперь иной вопрос мне не давал покоя:
отчаянья ли взрыв или безумье зла,—
но как она могла измыслить зло такое?!

Язона наказать, Язону доказать,
убить своих детей, да по своей же воле,
убить его детей... Детоубийцей стать...
И новая печаль примерзла к прежней боли...

И это-то любовь! О, как могла она
так отомстить ему и мщением упиться,
преступницей на все века и времена
остаться и нести клеймо: детоубийца...

...Но жизни по местам все надо разместить,
и сторонами всё предстало вдруг иными:
и мучило меня желанье отомстить
за бедное твое поруганное имя...

Медея!.. Клевета мне обжигает грудь:
великих колхов дочь изменницей представить,
с присвоенным руном пуститься в дальний путь,
легенду сотворить — невинную ославить!..

С годами все росла, все обострялась боль,
разверзлась предо мной неотвратимость рока:
история так зло расправилась с тобой,
Медея, как горька судьба и как жестока!

Несовершенный мир, несущий свет и мрак,
исполненный грехов и тайн, мне приоткрылся...
Медея, лишь один-единственный твой шаг,
один неверный шаг —
тебе он не простился...

ДРУЗЬЯ

Закат за восходом.
И снова — закат за восходом.
Так было от века. Так было и будет всегда.
И люди уходят, и год исчезает за годом,
да, время уходит и нам прибавляет года.

Далекое детство давно уж затеряно где-то.

И юность ушла... И еще нам терять и терять...
Как время бежит!.. Неужели же было все это?
Мы стали другими
и будем меняться опять...

В природе ведется:
подъемы сменяют усталость,
жару — холода. За зимою приходит весна...
Но все-таки детство навек в наших жилах осталось
и юность жива, хоть давно миновала она.

Немалое бремя несло на плечах наше время,
что юность теряла — то зрелость потом обрела.
И вместе с друзьями и шли и мечтали мы — с теми
в которых мы верили... Нет им, казалось, числа.

Пока они с нами — дурного не может случиться,
разделят и горе и трудности наши — как есть...
А радость — умножат, мы радость получим сторицей
и нам мамалыги без них не сварить и не съесть...

Казалось, распасться не может он, круг наш
веселый,
но времени ветер и неуправляем и лих,
но мельница времени здорово всех помолола —
друзья моей жизни...
Все меньше становится их.

Одних уже нет на земле. И они незабвенны.
Другие сейчас далеко — но душою с тобой.
Грустим мы по ним, но надежда жива неизменно,
и верим, что снова обласканы будем судьбой.

А те, что бок о бок,
что здесь,
что не вышли из круга,
а те, с кем, казалось, судьба и дорога одна,
о ком говорилось, мол, не проживем друг без друга, —
далекими стали, холодными, словно луна.

Холодными стали их некогда пылкие речи,
колючею проволокой оградили сердца,
глаза не сияют, как прежде бывало, при встрече,
и вкус мамалыга теряет — не съешь до конца.

Пустеет наш двор, и густеет трава у порога,
и дом обезлюдевший грусть нагоняет на нас.
И боль по ушедшим навек стала легче немного,
и ближе становятся те, что далёко сейчас.

Закат за восходом,
и снова закат за восходом...

Так было от века, так было и будет всегда.
И люди уходят, и год исчезает за годом,
Да, время уходит и нам прибавляет года.

* * *

Как уголек, что светит сквозь золу,
звезда во тьме ночных небес искрилась.
Вдруг сорвалась и, полетев во мглу,
в бездонном мирозданье растворилась.

Мне показалось: в небесах беда!
Весь мир к груди прижавши, как подушку,
сказала я: «Там — и моя звезда...
О, пусть не станет никогда потухшей!»

Я знаю, что гореть не вечно ей,
что нет мольбы наивной той напрасней.
И все же говорю звезде моей:
«Пусть никогда твой пламень не погаснет!»

СКАЖИ...

Скажи, разве он Человеком
станет в сознание людском?
Душа — скорлупою ореха
с черным, червивым ядром...

Скажи, разве станет бессмертен
он, если — ночи темней —
боится, как ладана черти,
каждой удачи твоей?

Скажи мне открыто и просто,
разве достоин любви
он, что дорогою к звездам
сделал несчастья твои?

Пустили к общинному полю —
орудует как на родном!
И черные борозды ноют
шрамом на теле твоём!

Улыбка елейна, но втайне
интриги сплетается жгут:
гонит он ближних и дальних,
если хвалу не поют!..

Себе, дорогому, в угоду,
во славу себе самому
в любви он клянется народу,

крылья срезая ему!

И в беспредельной гордыне —
смотрите, каков молодец! —
как пирамиду в пустыне,
строит холодный дворец,

пустой — без любви и без солнца
В нашей цветущей земле...
Живая душа задохнется
в этом гранитном жилье!

Поправши народный обычай,
он будто печется о нем...
И это зовем мы величьем,
за гордость свою выдаем?

Какое имеет он право
болтать о заслугах своих?..
Лишь тем настоящая слава,
кто к солнцу выводит других!

ПОМЫСЛЫ МОИ, МЕЧТЫ...

Помыслы мои, мечты,
сердца детского цветы,
отрешенные, несмелые,
корабли вы мои белые.

Вы, мои невоплощенные,
в путь-дорогу снаряженные,
но чужим морям плывите
и до срока не тоните.

Об одном судьбу просила,
чтобы в вас явилась сила
стать тарелками летающими,
в черном космосе сверкающими.

Где-то вас тогда увидят,
невниманьем не обидят.
Не рассеетесь вы пылью,
сказкой станете иль былью.

Знание к знанию приложится,
чувство чувствами умножится.
Там, где звездочки роятся,
новые миры роятся.

Семена мои крылатые,
защищенные, как латами.
жаждой жизни продолженья,
гибели преодоленья.

В вас одних мое спасенье,
воскрешенье, вознесенье,
помыслы мои, мечты,
сердца детского цветы.

КАКАЯ ЖЕНЩИНА СТАРЕЕТ!

Солнце хоть и светит, но не греет.
Зов далекий стих.
Мир, какая женщина стареет
на глазах твоих!

Будь хоть на прощанье откровенен,
коли близок мрак.
Отчего ты так несовершенен,
половинчат так?

Вновь из стужи прямо в жар бросает
жадный суховей.
Мир, какое сердце угасает
волею твоей!

Жалит кто-то злобным словом-жалом
посреди беды.
Время прорезает, как кинжалом,
на лице следы.

Слышишь, мир, на грани увяданья,
но еще жива,
бесполезно молит состраданья
редкая трава.

Слуха твоего не достигает
жалоба корней.
...Знаю я, что вдалеке шагает
много новых дней.

Знаю, что просторы мне родные
вновь украсишь ты.
Знаю я, что расцветут иные
яркие цветы.

Зная, что ты встретишь их радушно,
горько повторять:
как ты можешь, мир, так равнодушно
целый мир терять?

Как, ответь, ты можешь так бездумно
совершать сей грех?
...Ляжет ранний-ранний снег бесшумно,

словно белый мех.

Впишешь ты еще одну потерю
в летопись свою,
но в твой разум, мир, я не поверю,
слез не утаю.

Будущее черным флагом реет.
Стих усталый стих.
Мир, какая женщина стареет
на глазах твоих!

ТРУДНАЯ НОЧЬ

Заманили меня беды в западню,
заарканили и предали огню.
Запылало надо мною солнце злое,
закружило всю округу в желтом зное.

Заросль затхлая запуталась в ногах,
заунывно загудел над нею страх.
Зашипели чьи-то злые языки,
словно змеи, что свиваются в клубки.

Чья-то зависть вдруг разверзлась,
словно пасть,
словно пропасть, чтоб навеки в ней пропасть,
а бездушье, стоя где-то в стороне,
быть бездумней посоветовало мне.

Чьи-то вкрадчивые слышались шаги,
чьи-то давние мерещились долги,
липло лихо паутиною к щеке,
задыхалась я в бессилье и тоске.

Я старалась, я боролась, как могла,
одинока, беззащитна и мала.
Но теснее становился мир вокруг,
но на помощь не спешил надежный друг.

Одного лишь я хотела — завершенья,
пусть недолгого, но полного забвенья.
Одного я у судьбы молила — ночи,
говорила, что покоя сердце хочет.

Я просила: приходи скорее, ночь,
ты одна, одна сумеешь мне помочь.
И пришла она, и крылья распахнула,
и меня в них, как ребенка, завернула.

Были крылья те белы, а не черны,

озарили белым светом мои сны,
озарили, одарили, увлекли,
осветили все, что близко и вдали.

И увиделся мне мир совсем иным:
и понятным, и знакомым, и родным.
Я услышала, как кто-то произнес:
«Это — женщина!» — и тем меня вознес.

В чьем-то сердце отразилась моя суть,
и пропала, разлетелась сразу жуть.
«Это — женщина!» — звучало словно песнь.
Значит — я была и буду, значит — есть!

В это слово, словно в зеркало, смотрясь,
поняла, что перед ним бессильна грязь,
поняла, чего я стою на земле,
поняла, что ясен путь мой и во мгле.

РАНЕНАЯ ПТИЦА

Баллада

Птица чудесная,
птица небесная,
смысл бытия,
гордая песня,
горькая песня,
доля моя!

Были скитания,
были страдания,
злые года.
Раны скрывая,
еле живая,
птица, куда?

Дали завьюжены,
крылья натружены,
ты же — летишь,
небо листая,
держишься в стае,
путь с ней торишь.

Зная утраты,
так и жила ты,
горю назло,
веруя в дружбу,
правя, как службу,
дело ее.

Птицы-собратья,

звонкою ратью
взяв высоту,
к счастью стремились
и не таились,
славя мечту.

Только, родная,
пала иная
участь тебе.
Ты ослабела
и оробела
в этой борьбе.

Бедная птица,
белая птица!
Небо в крови.
Ветер неверья
выщипал перья,
перья твои.

Он разметал их,
он раскидал их
вниз с высоты,
словно пушинки,
словно снежинки,
словно цветы.

Легкой подушкой,
мягкой подушкой
сделал их рок,
сделал их стражем,
лекарем даже
чьих-то тревог.

Вместо участия,
видя несчастье,
видя беду,
птицы слетелись
и расшумелись,
с ветром в ладу.

И замелькали
слов этих камни,
грозно казня:
ты — не для неба,
ты здесь — нелепа,
нам не родня!

Если устала,
первой не стала,
нас позабуди!
Как ты смешна нам,

как ты жалка нам!
...Сжалась вдруг грудь.

Птицы крикливы,
птицы кичливы.
Небо — за них,
не понимает,
не принимает
жалоб твоих.

Птица больная,
птица родная,
сгусток тепла,
выше взлетела,
громче запела
и умерла.

Милый подранок,
вышли мы рано
в долгий полет.
Небо сгубило
все, что в нас было.
На сердце лед.

Горнее небо...
Быль или небыль
скорый тот суд?
Помня потерю,
больше не верю
в то, что спасут.

Будто случайно
выпало тайной
некой владеть.
Дышится вольно,
только мне больно
в небо глядеть...

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Младенцы начинают жить
в той люльке, что им, может быть,
от прадедов досталась...
...Ребенка в люльку положить,
как бабка ни старалась,
никак не удавалось.
Хоть был младенец очень мал,
он не сдавался, воевал,
он ручек, ножек не давал —
брыкался, к дощечкам
себя не дал он привязать...

Не лучше ли из люльки взять? —
склонилась молодая мать
над малым человечком.
У люльки — шепот, суета,—
и бабушка, и мама...
Но бабушка была крута,
а поточней — упряма:
с невесткой хлопоча вдвоем,
она стояла на своем,
и все — одно и то же:
— Ребенка в люльку уложу,
покрепче к люльке привяжу
и затыну потуже...
Без люльки — можно ль?
Сон — не сон:
пускай сейчас поплачет он,
а завтра перестанет:
умнее завтра станет.
Уж ты, невестушка, смотри,—
его из люльки не бери!..
А кто у нас без люльки рос?
Все — в люльке, доброй, старой...
Вот долголетием наш род
и славится не даром!
Ну что за время! Ведь едва
родился, меньше года,
отстаивает он права
на личную свободу!..
Усни, малыш, угомонись,
ты пошумел на славу!..—
Взлетает люлька вверх и вниз,
взлетает влево, вправо.
Не унимается малыш,
из люльки рвется, плачет...
И вдруг — в одно мгновенье тишь,
крик кончен — как не начат.
Гордится бабушка. Она
добилась этого одна!
А мать вздыхает тяжело:
умаялся, бедняжка!..
Малыш в наставшей тишине
им улыбается во сне:
не зря он потрудился —
он своего добился!
Смеется он над ними —
пестуньями своими!
Он им ни слова не сказал,
еще не научился,
но все же ножки развязал —
от пут освободился!

МАМЕ

Мы шли домой, и у порога
ты ожидала нас всегда.
А без тебя скучна дорога,
грустна вечерняя звезда.

О как мы ликовали, дети!
Как жизнь в те дни была светла!
Людей счастливей нас на свете
не помню — рядом ты жила.

Но радость так недолго длилась.
Настал прощанья смутный час.
Тоска, что в доме поселилась,
смущается, увидев нас.

Нам не избыть свою тревогу,
и ноги сами в темноте
ведут не к отчему порогу —
к холодной каменной плите.

Ушла от нас ты слишком рано.
Нет во дворе и в доме нет.
Не заживает в сердце рана,
но вечен в нем твой тихий свет.

О МАМА РОДНАЯ МОЯ, ПОЧЕМУ?

Когда я была еще девочкой малой,
тебе я завидовала, усталой.
Я, как мотылек, все куда-то спешила.
Я дни золотые свои торопила.
Средь ласки, любви, среди ясной погоды,
признаюсь, себе добавляла я годы.
О мама родная моя, почему?

Потом, словно конь, одолев круг за кругом
то поле, что было врагом мне и другом,
ту жизнь, за которою дали седые,
вернуть захотела я дни молодые,
вернуть свою радость и годы убавить,
и гибкость, и легкость, и звонкость восславить.
О мама родная моя, почему?

Немало мне горького пало на долю.
За век свой нелегкий наплакалась вволю.
Я близких теряла, друзей хоронила.
Я жить не хотела, но бога просила:
— О, только бы жить, только жить бы на свете,
приняв эти муки и горести эти!

О мама родная моя, почему?

Просила у неба я крошечку счастья,
просила у неба немного участия.
Но вот мои дети на свет появились,
ростками зелеными к свету пробились.
и стали они мне желанны и милы,
и им отдала я последние силы.
О мама родная моя, почему?

Я имя твое и отцовское имя
с рожденья всегда почитала святыми,
и имя мое — Нелли Тарба — в народе
стихами моими оправдано вроде.
Немало успела, но нынче мне страшно
того не успеть, что хотела я страстно.
О мама родная моя, почему?

СТАРИК И ГОЛУБИ

В парке города Сухуми,
добр, но как-то страннолик,
в голубином пестром шуме
все хлопчет тот старик.

Уж не с целого ли света
голубей слетелся сбор
и Сухуми над планетой
крылья мира распростер?

Дождь ли хлынет с градом вместе,
снег ли, тучи — не беда.
Все равно на этом месте
странный тот старик всегда.

Пусть порою хлеба вволю
не наестся он и сам.
Пусть последней будет доля,
всю до крошки — голубям.

Плащ брезентовый линялый
обтрепался бахромой,
шляпа виды повидала —
так и летом, и зимой.

Нет носящих его имя —
ни детей, ни близких нет.
Голубями лишь одними
для него заполнен свет.

Всей душой своей и сердцем,

существом старик давно
свыкся с мыслью: отогреться
среди людей не суждено.

Чужаком из царства мертвых
он сидит, один как перст.
Не окликнет, не посмотрит,
не оглянется окрест...

Только в памяти раскаты
тяжких взрывов, едкий дым
битвы, бросившей солдата
в мир калекою глухим.

А в глазах — ночным кошмаром
смерч огня столбом стоит,—
так. охваченный пожаром,
дом каштановый горит.

И никто другой не слышит
детский крик, протяжный крик.
Женский взгляд — сквозь время
видит только тот старик.

Жгут глаза, зовут: "Спаси нас!.."
Нет исхода их слезам.
Сколько он из ада вынес!..
Лишь свои остались там...

Изваяньем, обожжен ным
страшной бурей огневой,
встал он в мире отрешенно,
искалеченный судьбой.

Голубиною метелью
зачарован, окружен —
будто разом прилетели
птицы всех земных сторон.

Виноград, коль уродится,
на родной моей земле —
так же гроздьями теснится
на отеческом стволе...

Голубей лишь и оставит
тот старик, когда умрет.
Но вовек не перестанет
жизнь вершить круговорот.

Сердце мира будет биться:
в нем останется всегда
эта малая частица,

эта гордая беда.

Это мужество седое,
опаленное в боях,—
словно памятник герою
с голубями на плечах!

МЕЛЬНИЦА

В Волгограде есть разрушенная в последнюю войну городская мельница. Она не восстановлена, а оставлена как памятник.

Мне на здание это
смотреть тяжело.
Стены старые дышат
пожаром войны.
Искорежен бетон,
и разбито стекло.
Как нашествие вражье,
обломки черны.
О великое мужество
наших отцов!..
Эта мельница
перемолола врага.
Ей не стыдно стоять
среди белых дворцов.
Эта мельница
мужеством нам дорога!
Не сотрутся
ее огневые черты.
Рядом с ней
замирают от боли сердца.
...Городской
не испортит она красоты,
словно шрам —
на лице у бойца.

УВИДЕЛА ТОЛЬКО СЕЙЧАС...

Памяти абхазских поэтов, погибших в Великой Отечественной войне

Увидела только сейчас
ваши портреты.
Увидела свет ваших глаз,
братья-поэты!

Как будто одна у вас мать —
так вы похожи!
Вам юности не занимать,
куда уж моложе!..

Вы все — из далекой весны,

из предвоенной.
О как наши взгляды ясны
и вдохновенны!

Война не оставила след,
след на портретах.
Конца вашей юности нет,
братья-поэты!

Мир остановился для вас
в одно мгновенье,
молнией вспыхнул — и погас!
Нет продолженья...

И рухнули вы в пустоту,
не вскрикнув даже...
Чтобы вы прошли 110 мосту
гибели вашей!

И дошли до грядущих дней,
самых светлых.
А вы там внизу, среди корней,
ни птиц, ни ветра...

Сколько недописанных строк,
песен неспетых!
Слишком коротким был срок,
братья-поэты!

Вчитываюсь в ваши слова —
не все в могиле!
Одни — как седая трава,
огонь — другие!

Огнем этим озарена,
смотрю вам в лица.
Верю: проклятая война
не повторится!

Увидела только сейчас
ваши портреты!
Я давно уже старше вас,
братья-поэты.

И я замыкаю вдали
круг свой конечный...
Юные,
вы на щеке Земли
родинкой вечной!

У ПАМЯТНИКА ПАВШИМ ГЕРОЯМ

У обелиска,
где спят
герои,
не причитайте!
Не расплещите
своей
печали!
У обелиска,
где спят
герои,
поле
молчанья,
полюс
покоя!
Не место
фразам,
звучащим
громко,—
прошу.
молчите!
Боль
не вспугните!
Иначе струны
порвутся
сразу,
порвутся
струны
великой
скорби
на скрипке
горькой!
Поле
молчанья —
намертво —
губы!
Полюс
покоя —
не шевелиться!
У обелиска,
где спят
герои.
Душой
отчаясь,
глотаите
слезы
и не давайте
слезе
пролиться!
Пусть сердце
тонет

в слезах
как в море!
Бездонность
моря
из слез
сокрытых!
Не расплющите
бездонность
горя
у обелиска
в бою
убитых!
О слезы,
слезы,
вы не пролились,
не затопили
ноля
и взгорье,
но сердце
вы
превратили
в остров
в солено-горьком
своем
просторе!
О слезы,
слезы,
вы не прольетесь,
но в день
весенний,
в цветенье
мая
вы
в сердце
матери
суховеем
вдруг обернетесь,
все иссушая!
В облитой
кровью
и одинокой
вы
в материнской душе
навек,
и нет
вам
срока,
чтоб оскудели,
о слезы,
слезы —
мертвые реки!
Вы потушили

пожар,
но горе
еще страшнее
на пепелище!
Еще печальней
на том разоре
кружится
птица
и ветер
свищет!
Слезам
не место!
Здесь
спят
герои.
Здесь
неуместно
речей
звучанье!
Ступайте
тихо —
полюс
покоя!
Уста
сомкните —
поле
молчанья!

ПИСЬМО МАТЕРИ

Земляку Гицба Д. Р., погибшему в Великой Отечественной войне

Окончилась война,
победа стала нашей —
прошли с тех дней года,
дороги пролегли.
От многих ран страна,
оправясь, стала краше,
но скольким им всегда
зиять в душе Земли!

Сквозь радости покров
мерцают звезды горя,
но вера матерей
стремится к чудесам,
и материнских слов
летят, с ветрами споря,
живые лепестки
наперекор годам:

«Единственный сын мой Датикуа в 1938 году
был призван в армию. Там его и застала война.

С тех пор — ни весточки от него.
Прошу Вас, если знаете, где он, сообщите мне.
Мать его, Гицба Минуца.
Май 1956 года. Село Дурипш».

Над пропастью времен,
как мостик, веры сила:
пусть меры нет беде —
сын продолжает жить.
Где похоронен он,
ответить не просила —
находится он где,
просила сообщить.

Летело то письмо,
светясь в пути надеждой,
живым цветком цвело
на письменных столах.
Картонные с тесьмой
в архивах папки вежды
вздымали тяжело
на пристальных делах.

И, наконец, ответ —
военная страница,
где почерк сух и строг,
где как свинец слова.
На крыльях тяжких лет
судьба к ней в дом стремится,
неумолимых строк
вращая жернова:

«Ваш сын, Гицба Датикуа Рашидович,
принадлежит к числу первых, погибших
за Советскую Родину.
Погиб в ноябре 1941 года».

...Немало лет прошло.
Зарубцевались раны.
Приветливо горят
по селам очаги.
И, право, тяжело
знать про такие страны,
где пушки говорят
о том, что есть враги.

Той матери уж нет,
и лишь письмо осталось
бедой опалено,
перенесло
немыслимый груз лет.
Но, потемнев, состарясь,

по-прежнему оно
хранит ее тепло.

«...Единственный сын мой, Датикуа
Если знаете, где он...»

ВРЕМЕНА ГОДА

Явилась весна. Погостила немного.
Сказала: до встречи! И снова ушла.
А лето не скоро пустилось в дорогу
и вдоволь земле отпустило тепла.

В осенний амбар потекла кукуруза.
Желтеют деревья. Редуют кусты.
И ветви, лишённые всякого груза,
повисли в пространстве — легки и пусты.

И кружится снег, на земле оседая,
голодные дятлы все громче стучат.
Зима-чародейка, старушка седая,
следит за игрою снежинок-внучат.

СЛАВА ЗИМЕ

Зима наша, зимушка,
великая силушка,
пришла к нам со снегом,
со смехом и бегом.

Ты — скатерть белейшая,
ты — песня нежнейшая,
старушка добрейшая,
подружка милейшая.

Нам путь расстелила,
судьбу рассудила,
ввела в свое царство,
в свое государство.

Тебе, государыня,
любовь свою дарим мы.
Приход мы твой славим,
дела твои правим.

Слепя белизною,
пройди целиною
по белому полю,
порадуй нас вволю.

Поклон белоликой
богине великой!
Пусть год к нам хороший
придет за порошей.

За белой метелью,
за белой постелью,
за радостью белой,
за верою смелой.

Пусть все уродится,
чем край наш гордится.
Даруй нам удачу
с весельем в придачу.

Яви вдохновенье —
младенца рожденье.
Утешь человеком,
чтоб вровень был с веком.

Чтоб рос великаном
за белым туманом,
за белой надеждой,
под белой одеждой.

А даль все яснее.
А день все длиннее.
Кто из дому вышел?
Чей слышится выстрел?

Зима, не пойму,
в котором доме
родился желанный
посланец твой славный?

ИМЯ ТВОЕ

Имя твое

ЖЕНЩИНЕ

Ты можешь щедро веселиться
и ярче солнышка светиться,
а излучение печали
твоей — луне затмить едва ли.

То ты к цветам полна участия,
то — собираешь камни счастья.
Их, белых, на вершинах много...
и — вниз девчонкой быстроногой.

Ты взглядом дали согреваешь,
луга травую покрываешь,
ты — очага хранишь горенье
в домашних дел самосоженье.

На свет решившая родиться,
чтоб в сердце чьем-нибудь лучиться,
ты не искала доли лучшей

и стала корнем всем живущим.

Взметнутся к небу волны горя —
ты улыбнешься, с ними споря,
мирясь порой с душевным адом
во имя счастья тех, кто рядом.

Ты — мать. Ты — будущего лоно.
Тебя люблю я восхищенно,
по-детски внове открывая
черты, что ныне воспеваю.

ИМЯ ТВОЕ

К. Ломиа

По абхазским обычаям жена не имеет права произносить имя мужа.

Имя твое — голубая звезда,
что при рожденье моем загорелась.
Имя твое — и трава, и вода,
детства зеленого лихость и смелость...

Имя твое — это свет, что мою
юность заполнил загадкою лунной.
Имя твое — это в горном краю
первой любви зазвучавшие струны.

Имя твое — это свет моих глаз,
имя твое — это горное эхо.
Было оно и тогда, как сейчас,
криком души моей, голосом смеха...

Было оно воплощеньем тепла,
было оно моей радости цветом.
Произнести его вслух — не могла,
о, я никак не решалась на это!

Вслух твое имя... Да можно ли мне
было осмелиться?... Губы немели,
имя твое они даже во сне,
даже во сне прошептать не посмели.

Лишь для тебя рождена я была
и суждена тебе — без оговорок!..
Все, мне казалось, я сделать могла,
сделать во имя того, кто мне дорог...

Трудности разные прежде — как впредь —
претерпевала и переносила,
даже могла б за тебя умереть,—
имя твое придавало мне силы...

Но не могла его вымолвить вслух
и у самой себя вымолить право
произнести его с легкостью вдруг,
чтоб услышали и люди и травы...

Так повелось (а давно ли? Как знать!),
что по неписаным нашим законам
мужа-владыку по имени звать
не разрешалось в Абхазии женам...

Одoleвали смятение и робость,
будто над бездной стою на весу,
все мне казалось, что рухну я в пропасть,
коль твое имя произнесу...

Но наконец-то я заговорила:
имя запретное в полную силу
громко уста мои произнесли.
Горное эхо его подхватило,
по небу звезды его разнесли...

Замерли уши земли и небес,
дрогнула древность от дерзости этой,
рухнули наземь, как срубленный лес,
тяжких обычаев древних запреты.

Цепь Прометея распалась, звеня,—
все оттого, что отчаянно-смело
во всеуслышанье вдруг прогремело
имя твое среди ясного дня.

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА ВО МНЕ ЖИВЕТ

Маленькая девочка
во мне живет,
не дает на миг отдохнуть.
Маленькая девочка
за собой зовет,
в том ее прекрасная суть.

Маленькая девочка
добро творит,
светлые творит дела.
Маленькая девочка
говорит:
— Красота твоя не прошла.

Маленькая девочка
говорит: — Надень
лучшие наряды свои,—

Маленькая девочка
говорит: — Твой день,
лучший день, еще впереди.

Маленькая девочка
мне опять
будоражит зрелую кровь.
Маленькая девочка
не дает отнять
у меня мечту и любовь.

Маленькая девочка,
я — жена и мать,
бабушкой успевшая стать.
Маленькая девочка,
надо понимать,
что пора уж мне устать.

Маленькая девочка,
я — душа семьи,
я — ее опора, глава.
Маленькая девочка,
главное пойми,
что моя работа — слова.

Маленькая девочка,
мне не до утех,
их стихи должны заменить.
Маленькая девочка
рассыпает смех,
не могу остановить.

Маленькая девочка
говорит: — Гордись,
если стать смогла тем, что есть.
Маленькая девочка
говорит: — Трудись.
В этом твоя главная честь.

Маленькая девочка,
жаркая ладонь,
маленький насмешливый рот.
Маленькая девочка,
я как белый конь,
что несется гордо вперед.

Маленькая девочка,
по твоей вине
не старею я на ветру.
Маленькая девочка
живет во мне,
потому вовек не умру.

ИЗ КАБАРДИНСКОГО ЦИКЛА

1

Я ГЛАЗАМИ С ТОБОЙ ГОВОРИЛА...

Я такое творила,
такое творила,
я глазами с тобой говорила,
я глазами тебя целовала,
во все абхазское одевала.

Вечеру, спустившись к Кубине (1),
думу думая о чужбине,
я проворно пряжу сучила,
для отбели в волне мочила,
и стучал мой ткацкий станок
до утра, одинок.

Солнце вызолотило воду,
наткала я сукна к восходу,
а к закату, закончив дело,
на тебя черкеску надела,

на тебя накинула бурку.
По подолу на бурке — буквы,
мое имя на бурке вышито.
Настоящим красавцем вышел ты.

Для каких же таких чудес
проливалось солнце с небес?
Для чего же луна была
среди ночи светлым-светла?

Кабардинке какой на роду
стать написано в этом году
осчастливленной тобой,
гордо зваться твоей судьбой?

И какой надо быть абхазке,
нарядив тебя, словно в сказке,
обрядив тебя по старинке,
уступить потом кабардинке?

И какой же это мужчина,
коль смущенью его причина
чье-то чистое вдохновение,
чье-то смелое откровение?

И какой же это джигит,
если конь его не спешит,
не летит, одолев преграды,

через горы ради награды?

А ведь я такое творила,
я глазами с тобой говорила,
я глазами тебя целовала,
во все абхазское тебя одевала.

2

ГДЕ ТА ПЕСНЯ?

Где та песня,
где та песня,
что других была чудесней?
Радости грядущей весть,
где та песня?
Где? Бог весть...

Песня — встречи
песня — встречи
встречи той, что
за собою повела.

Песня эта,
песня эта,
что была когда-то спета,
что, тоскуя и любя,
долетела до тебя.

Песня — слова дуновенье,
песня — слова откровенье,
одиноких душ слиянье,
глаз восторженных сиянье.

Песня долгие года
нам сияла, как звезда,
над твоей сердечной далью,
над моей седой печалью.

Песня та,
ах, песня та,
за которой — высота,
обещанье,
ожиданье,
нас нашла,
за которой прямо в небо
воспарила наша небыль.

Не на раны горькой солью —
стала песня сладкой болью,
не во сне, а наяву
превратила снег в траву.

Ручейками прозвенела,

голый бор в листву одела,
золотым лучом сверкнула,
жизнь мою перевернула.

Так судьба моя сложилась —
с этой песней я ложилась,
с этой песней я вставала,
так куда она пропала?

Больше нет ее со мною
ни зимою, ни весною.
Оборвался звук как нить...
Нечем песню заменить.

Сожаленье ранит остро...
Милый, помнишь ли наш остров?
Может, песня там забыта,
счастью нашему в убыток?

Может, яблоком на ветке
песню там качает ветер?
Иль с судьбой в неравном споре
пала песня в сине море?

Песню волны укачали,
и над нею откричали
чайки — плакальщицы наши,
думается мне все чаще...

Где та песня,
где та песня,
что других была чудесней?
Ничего не будет внове...
Кто из нас двоих виновен?
Радости минувшей весть,
где та песня?
Где? Бог весть...

(1) Кубина — абхазские название реки Кубани.

ОДА МУЖЧИНАМ (Шутка)

Давно мужчины
сошли на нет.
В далеком прошлом
пропал их след!

Как винограда
сухая гроздь

на ветке голой —
сорви и брось!..

Геройство нынче
им не с руки,
в огонь и воду
не ходоки!

Нет Таризэла!
Где Автандил?
Исчез Сасрыква
и Абыскил!

Обшарь наш город
и шар земной —
где мой Ромео?
Отелло мой?!

Кто ради милой
на смерть пойдет
или, ревнуя,
тебя убьет?!

Кто выкрасть сможет
в глухую ночь
и в крап далекий
умчаться прочь?

Кто песней звонкой
на целый свет
любовь восславит?
Таких уж нет!

Какое счастье
тишь да гладь,
почти что райская
благодать!..

Кто это скажет,
пусть в тот же миг
отсохнет лживый
язык у них!

Плохое время,
ужасный век!
На славном прошлом
забвенья снег...

В ГОЛУБОМ МИРЕ

Я думала: тебя забыла.
Но всем полна, что с нами было.
И в сердце солнце вновь зажглось,
и место для него нашлось.

И голубой родник по телу
бежит к далекому пределу.
И роза голубая мед
из сердца голубого пьет.

И небо голубеет тоже...
Как на тебя оно похоже!
И в уши голубой родник
знакомым голосом проник.

Глаза твои — небес просторы,
ресницы, брови — эти горы.
Все вновь цветет.
Я молода.
Люблю тебя
и — навсегда.

По голубому бегать полю,
босая, буду снова вволю.
На голубой траве стихать
и воздух голубой вдыхать.

Ах, сердце, золотая рыбка!
Несешь меня дорогой зыбкой
в глубь голубой морской воды...
Куда, зачем? — все знаешь ты.

Ах, сердце, голубая птица!
Вот — неба дно, его граница...
Взмахнув крылами — что с тобой?
звездой таешь голубой.

ЖЕНЩИНА СЫНА ЖДАЛА

Женщина сына ждала,
душу и плоть отдала
сладости ожидания,
необратимой судьбе.
Сила ее желания
не знала равных себе.

Новую жизнь носила,
волнуясь, четвертый раз.
Сына, лишь сына просила

счастье, отраду для глаз.

Неверующая, поверила
в силу предчувствия вдруг
приметам себя доверила,
гадать просила подруг.

К ней ощущение явилось
иное, чем в те года.
И по-иному билось
сердце ее, чем тогда.

Такое случилось впервые.
И мир явился иным.
Тучи ушли грозовые,
все стало милым, родным.

Работа в руках кипела,
и небо — в огне золотом.
В душе колыбельную цела,
чтоб вслух ее спеть потом.

Лишь материнству отныне
она подчинилась — вся.
Явились стихи о сыне
раньше, чем он родился.

Бутоны слов раскрывались,
свежи, чисты и ясны.
Морские ветры врывались
в ее молодые сны.

Ей часто грезилось море,
рыб золотых стада.
Рождалась в небесном просторе,
во мгле — за звездой звезда.

И женщина всем своим обликом
заметна была в толпе,
словно бы солнце за облаком,
цветок на людной тропе.

Всем встречным казалось, право,
что ей на ее пути
даровано было право
вот так красиво идти.

Как будто гордой в угоду,
чтоб было ей легче жить,
заставил кто-то природу
преданно так служить.

Обиды и горести давние
остались где-то вдали.
Надежда и ожидание
не сбыться теперь — не могли.

МАТЬ И СЫН

— Мальчик мой большой! — скажу порой.
Почему большой? Ты мал и тонок.
Ты сидишь, рисуешь, мой герой,
точно так же, как любой ребенок.

Пароходы по морю плывут,
пролетают в небе самолеты.
В царстве детских грез твоих живут
моряки и смелые нилоты.

Ты читаешь нынче все подряд,
но тебе романтика по нраву.
Над тобою звездами горят
имена людей, добывших славу.

Ты в мечтах идешь по их следам,
сквозь грозу, сквозь штормы и метели.
Верю, ты пройти сумеешь там,
где они, быть может, не успели.

Ты удачлив будешь, будешь смел,
сможешь ты открыть любые тайны.
Ты уже сейчас понять сумел:
подвиги на свете не случайны!

Ты и Беринг.
Ты и Магеллан.
Показать в беде сумеешь норв —
самых дальних странствий капитан
покоритель ледяных просторов.

По извечным правилам игры
покоряешь горные вершины,
открываешь новые миры,
даришь людям дивные машины.

Гордая история страны —
в памяти твоей,
в твоих стремленьях.
Смутные преданья старины
все виднее в дальних поколениях.

То ты Абраскил
и от беды

свой народ спасаешь,
храбрый воин.
То ты Нарт Сасрыква —
до звезды
в небе синем
дотянуться волен.

Можешь путь до Марса рассчитать,
о путях науки судишь смело.
Прожила полвека, но узнать,
сколько знаешь ты, я не сумела.

Для тебя равны мечты и явь.
Каждый сон твой — радостное диво
Засыпаешь, целый мир объяв,
улыбаешься во сне счастливо.

У мальчишек — свой, особый мир,
и хоккей для них — святое дело...
Якушев — бессменный твой кумир.
Сбили — встал, идешь в атаку смело.

Вечером — за книгу. Ты — в пути,
с Андерсеном, в мире доброй сказки.
Нелегко Русалочку найти,
но на все готов ты без опаски.

Ты смешлив и на язык остер,
а порою — акробат и клоун,
заскучавших веселишь сестер
и за это будешь расцелован.

А потом, с собой наедине,
думаешь о чем-то в тишине...

Я тобой люблюсь
и горжусь,
хоть и скрыть стараюсь обожанье.
Страшно лишь, что вдруг я не дождусь
дня, когда наступит возмужанье.

МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Проводила.
И в памяти вновь зазвучали
и шажки твои первые,
и шаги.
Ты уехал в чужие
туманные дали,
ты ушел, мой родной,
на чужие круги.

Я осталась одна
на холодном перроне
размышлять
об утрате своей
и уроне.

Даль пленила тебя
и дорога манила.
Повзрослевшим и строгим
вошел ты в вагон.
Пусть в пути тебе хватит
старанья и пыла.
Жизнь — наш путь,
и легко не дается нам он.
Ты от слез удержался,
мой первенец милый,
и грядущее видел
тропинкой в цветах.
Что же, юность сильна
нерастроченной силой.
Впереди будет то,
что являлось в мечтах.

Но в пути натываемся мы
на преграды.
Одолеешь иную
с великим трудом.
Что с тобой ни случись,
возвращению рады,
будем ждать тебя мы,
будет ждать тебя дом.

Мальчик мой,
мой единственный
в мире огромном,
ты из сказок и яви,
ты в светлой норе.
Стало тесно
в гнезде тебе нашем укротном.
Стало тесно, большому,
на нашем дворе.

Сын мой,
нет между нами
ненужного спора.
Но сейчас от тебя
ничего не таю.
Сердце матери
шире любого простора.
Так открой же его! —
я тебе говорю.

Ты осиль, ты освой
все его вдохновенье.
Будь вернее отцов ты
и дедов умней.
То мое материнское
благословенье.
В целом мире такого
не сыщешь ценней.

ВОЗРАСТ БЛАГОДАТИ

Этот возраст благодати
мне дарован к зрелой дате,
возраст силы, возраст знания,
возраст умного дерзанья.
Счастья я хочу и верю:
обрету свою потерю.

Давней юности утраты:
дали, что мне нынче рады,
трон заветных ожерелье,
глаз горенье,
слов творенье,
в мир огромный погруженье,
растворенье.
постиженье.

Доброты хочу, а это —
много солнца, много света,
доли,
воли,
высоты
и сердечной простоты.

Зрелость,
спелость
и умелость,
помогите, чтоб успелось
долюбить, дожить, допеть —
близко старость,
близко смерть.
Что осталось —
то досталось...

...Этот возраст благодати
мне дарован к зрелой дате.

ВОСКРЕШЕНИЕ

Явился, как луч,
красив и могуч,
и комната вдруг,
как солнечный луг,
как луг расцвела,
и я ожила.

И ожили силы,
и стали мне милы
простые заботы,
дела и работы.
Постигло сознание,

что в них — созидание.
Огромной вселенной,
вовсеки нетленной,
высоких небес,
великих чудес.

Твое появление —
мое воскрешение.

СЧАСТЛИВЫЙ МЕСЯЦ ОСЕНИ

СЧАСТЛИВЫЙ
МЕСЯЦ
ОСЕНИ

А. Г.

Я благодарна судьбе, благодарна тебе, что ты явился счастливым месяцем осени моей. Я не знаю — да и не это главное! — будет ли этот месяц всю жизнь со мной, но главное — он был, он есть!

Мое богатство и мое спасение — это восторженная душа моя, — не было бы ее — не было б ни меня, ни стихов, ни этого чудного месяца, не было б тебя! — тебя настоящего и моего воплощения.

Ты таким родился у меня, не знаю, каким умрешь и с кем умрешь, — и это боль, что сейчас и гнетет, и счастливит меня.

Будь и ты счастлив, золотой мой человек! Да простит меня бог, если я придумала и настолько придумала тебя!

Эти стихи писались на одном дыхании, по свежим следам счастливого состояния, и потому они легко шли, но больно слагались...

Н. ТАРБА

Сентябрь 1981 года

1. Я ТЕБЕ НЕ СКАЗАЛА?..

Я тебе не сказала?
Скажу теперь напрямик!
Переступил лишь порог,
и онемел мой язык.
Душе моей в сети попасть
сам ты помог.

— Если день тот означен,—
сказала я,— счастьем моим,
и лоб мой отмечен удачей,
то в этом мы всех убедим.

Окажешься рядом,
присядешь со мной,
в едином дыханье
сольемся с тобой.

Сказала я,
и — о! — случилось!
Ты оказался вдруг рядом.
Сердце тревожно забилося
под зачарованным взглядом.

Ни на кого ты не походил,
ярче и краше друзей своих был,
лучше всех, окружавших меня,
красотою и статью маня.

Единственное,
о, это и есть главная боль и беда,
станешь ли счастьем моим,
близким, родным
навсегда?

Остаток жизни пустой,
как чашу до края налил,
мой человек золотой,
золотое
время дарил.

2. Я ТАК БОЯЛАСЬ...

Я так обмана боялась,
когда тебя увидала.
— Богом дана эта милость! —
душа моя ликовала.

Но если мираж мимолетный
самосожжением мстит,
то чувство мое не почетно,
осуждению подлежит.

Несла в себе напряженно
столько мучительных дней,
в чуждых местах, отдаленных,
среди чуждых людей!

И как ни сближались, ни узнавались —
для одного было «да»,
для другого — «нет»!
Как друг другом ни дополнялись —
чужие! — читалось в ответ.

На земле мы люди законные,
но всяк заботится о своем.
Одинаково рожденные,
не одною судьбою живем.

Я так боялась, я так боюсь,
что ошибаюсь,
что ошибусь.

3. Я ЕЩЕ...

Я так чего-то боялась, —
боялась тебя полюбить,
тебя полюбить.

Полжизни пройдя и до пепла сгорая,
судьбою моей был мужчина один.
«Да» или «нет» законом считая,
не знала других никаких средин.

Но зная пределы во всех отношениях,
чтоб тень не упала на святость семьи:
— Что делать теперь мне? —
твержу я в смущении.
Зачем гонит рок меня в сети твои?

Потеряла бы часть я от целого света,
но весь мир получила б за это!

Я боялась,
боялась тебя полюбить,
тебя полюбить.

4. ПО МОЕМУ СОСТОЯНИЮ СУДЯ

По моему состоянию судя,
что-то ждет меня, люди!
Хочу тебя полюбить!

Хочу тебя полюбить!
Если ж дерзость моя
да будут с целью вдвоем,
тогда жизнь, уверяю, вся

пойдет моя кувырком.

Не постареть мне века
и века не умереть.
Звезда моя издалека
не будет вослед смотреть.

Заново народиться
судьба или ты повелят!
И к тысячам счастьям стремиться
властно прикажет твой взгляд.

А может, после рожденья
убиваться мне, проклиная
и час, и это мгновение,
от горя вновь умирая.

Между огнями двумя
очутившись вдруг,
ой, на горе тебя
я выбрала, друг!

Что-то, что-то, уж точно,
ждет меня! — снова шепчу.
Полюбить тебя,
полюбить тебя
я очень хочу.

5. У МЕНЯ ЕСТЬ ЗАДАНИЕ...

У меня есть задание,
работа неотложная,—
я должна писать и писать.
Но что мне делать?

Положение сложное,
не знаю, как быть мне
и что сказать?

Все рвусь к тебе,
ты весь во мне —
и нет никого,
кто был бы так мил!
И дел никаких,
и запретов нет,
бог и впрямь счастливой родил.

Отчего все это?
Нет ответа.
И долго ль смогу
отреченно так жить?
Где были вчера?
И позавчера?

Собрались нас умники
снова учить!

Кто, словно поле,
душу мне распахал?
Кто с ума меня,
гордую, свел?

Кто на пути
преградою встал?
Кто до пропасти
этой довел?

6. ЧТО ДЕЛАТЬ?..

Что делать? Мир тесный
еще теснее стал.
Он ни клочка земли нам
на двоих не дал,
где мы с тобой
свободно бы прошли,
чтоб даже ветер
встрече не мешал,
где бы земля
сумела спрятать нас
от пристальных
и любопытных глаз.

Где б счастье слить,
как две реки, сумели,
где б мы вдвоем,
как две свечи, сгорели.

Нет, не была вовек
земля мне так тесна!
Куда же нас ведет
дороги крутизна?..

7. В ЧЕМ ВИНА МОЯ...

В чем вина моя,—
словно день рождения,
появился ты.
Среди стольких я
выбрала тебя:
царствуй
и наследуй
бремя красоты.

Виновата ль я,
если наяву
стала тебе тем,
кем ты мне стал.
Что вообразила,

что я сочинила,
если б только знал!

Не виновна я...
Никакой, поверь,
нет вины моей.
Истина вся в том,
что ты — чародей.
Виноват лишь ты.
Лишь ты виноват...

8. МЕСЯЦ УХОДИТ...

Месяц уходит,
месяц кончается,
холодом веет,
все обрывается.

Столько дней
в памяти моей
пламенем горят!
Ночи, что светлее дня,
были разве зря?

Месяц уходит,
за тучи спеша.
И болью тревожит
нас горько душа.

Излечат ли это года?
И когда?
Уйдешь ли из жизни
моей навсегда?

9. ТЫ СКАЗАЛ МНЕ...

Ты сказал: «Жаль тебя».
И сердце мое обожгло.
Ты и впрямь так думаешь
или мне назло?

Разве жалость это,
друг любезный мой,
если суждено судьбой
встретиться с тобой?

Если сердце свое отогрела,
если пламенем тем
тебя обожгла?
Словно девчонка
резвилась и пела
и горечь, и слезы пережила?

Ты сказал:

«Жаль тебя».
Ошибаешься, друг.
Не эти слова
возродили меня,
не от этих слов я умру.

10. ЧТО С ТОБОЙ...

Что с тобой,
что со мной?
Ведь бывает такое,
случается?
Видно, стихи о тебе
больше не получают.

Что с тобой,
что со мной?
Чего боимся,
стесняемся?
Прошное отступает,
друг от друга ль мы удаляемся?

Что с тобой?
Что со мной?
Теряем, что ли,
навек друг друга?
Или время всей жизни
пошло по иному кругу?

Что с тобой?
Что со мной?
Да и как могло это все получиться?
Но стихам о тебе
больше не появиться.

11. И ТЫ, И Я, И ТЕ СТИХИ...

Молниеносно
и неминуемо
меня посетило решение вдруг:
да умри и ты,
да умри и я,
да и все стихи
тоже пусть умрут.

Да исчезнут они!
Да исчезнем мы!
Пусть не будет на свете
тебя и меня!
Смертью одной
умрем в один час
стихи мои,
и ты,
и я.

Не было тебя,
не было меня,
не было их! —
воскликнула я.
Не рождались мы,
и не жили мы,
и не знали мы сентября.

Так в сердцах решила,
так я горевала!
И поставим точку!
Но вдруг
будто напоролась
на лезвие кинжала
в завершение строчки.

В мире этом были
не суждены друг другу,
не суждены друг другу
мы и на том свете.
Перед смертью, слышишь,
протяни мне руку:
вместе умираем,
вместе и ответим.

Пусть живут стихи —
души наши бедные,
что по свету бродят,
друг друга не находят,
дети безответные, —
пусть живут стихи!

12. ГРЕХ

Стихи рождались —
как песни слагались.
Друг за другом лучами
солнышка появлялись.

Словно настезь двери
раскрывала,
на душе замки легко
открывала.
В слова небывалые, нежные
ласку я заплетала.

Ворожили слова, ворожили,
чудесный язык сотворили.
В песнях многих жили,
новую песню сложили.

Тебя красотой украшали,
вести, как птиц, пускали.

Имя твое в бессмертье
навеки они вписали.

Но ты их не заметил,
па пути к себе не встретил.
И ослабели крылья
надежд и песен этих.

И некому помочь им
и протянуть руку.
И стала я по свету
носить под сердцем муку.

И стала убивать я их
в зародыше печально
и жизни отнимать у них —
стихов исповедальных.

Как же это случилось?
Всевышний, он знает про всех.
Кто же — главный виновник?
И кого судить за грех?

13. НАЙДИ БЕЛОГО КОНЯ...

Найди мне белого коня,
найди, умоляю тебя!
Мужеством, что ль,
оскудел белый свет
и мужчин настоящих нет?

Я не прошу невозможного,
о чем нельзя и просить.
Дел я тебе не предложила,
которых нельзя совершить.

Бриллиантов заморских сверкание
даже не грезилось мне!
О дворцах не просила зеркальных,
каких не увидишь во сне!

Не прошу: дай богатства по горло,
чтоб тонуть мне в нем,
как в цветах,
посади на ковер дорогой и узорный,
одень меня в шубу, в меха!

Бог видит: он — главный свидетель,
не прошу ни о чем я подобном тебя.
И не похожа, ты верно заметил,
на женщин теперешних я.

Коня Беслана (1) прошу подвести мне,

красу и славу абхазской земли.
Как Ханифу (2), на коне увези меня,
умчи с собою во имя любви.

Прошу я коня белого-белого
и простора до края земли.
Чтоб на коленях твоих пела я,
когда на коне мы волшебном неслись!

(1) *Конь Беслана — герои поэмы И. Когониа.*

(2) *Ханифа — героиня поэмы И. Когониа.*

14. СУДЬБА...

Под небом одним на земле мы одной
проживаем с тобою давно.
День встречаем один мы с тобою земной
и солнце утром — одно.

Но нет тебя рядом,
нет близко тебя!
И как до тебя мне, скажи,
дотянуться?
И как добраться тебе до меня?
Встретиться нам и не разминуться?

Всегда тесный мир
расширился вдруг,
настолько велик он,
что не могу
глазами тебя отыскать я,
мой друг,
чтоб передать
и любовь, и тоску.

Увижу похожего —
сердце сжимается.
О, если б он! —
печально срывается
бедный мой голос...
Не слышит никто.
Не выдам
ни словом,
ни взглядом
тебя ни за что.
Много я говорю,
слишком много смеюсь.
Слишком много работе
своей предаюсь.

И спасителем верным
мне в бедах она.

Без нее моя жизнь
и грустна, и мрачна.

И в мире нет ничего,
от чего бы я постарела.
И нет болезни такой,
от которой бы я заболела.
Лишь тоска по тебе,
что в разлуке с тобой пребываю,
да боль, что оставила
в сердце осень слепая, —
вот от чего постарею
и уйду слишком рано,
участь эту приняв,
как забвенье желанное...

15. ТЫ...

Ты —
горькие слезы мои,
что в тайне от всех пролила.
Ты —
вздых души моей,
что услышать я не дала.

Ты —
всхлип мой,
который никто не слышал.
Ты —
волнение мое,
о котором никто не узнал.

Ты —
родник,
которому выход не дан.
Ты —
белый конь мой,
попавший в аркан.

Месяц мой,
да ночь не станет светла,
солнце мое,
да согреть я тебе не дала!
Ты —
лучшая песня,
которую спеть не смогла.

Ты коснулся корней,
да вырваться силы не дал.
Ты коснулся цепей,
да узел не развязал.

Все обиды тебе прощая,

неужель без тебя смогу жить?
И горечь в душе оставляя,
от тебя буду век уходить?

16. ЕЩЕ Я..

Еще я не переболела тобой,
еще ты жив во мне и любим.
От болезни хожу я больной,
что именем зовется твоим.

Неизлечимой быть я хочу от нее,
чтоб судьбой роковою ты стал для меня.
Неизлечимость вошла в бытие бы твое,
и болезнь к тебе перешла бы моя.

Так заболеть,
чтоб эта болезнь вместе с нами
век бы жила,
и чтоб не избавиться
век от нее нам с тобой,
и чтоб одна я навеки была
лекарством твоим и судьбой...

17. ОСЕНЬ ТЫ ПОСЛЕДНЯЯ...

Осень ты последняя,
последняя моя.
Весна моя и песня
последняя моя.
Боль моя и радость
на закате дня,
солнце мое красное,
месяц в небе ясный
в жизни у меня.

Дыхание последнее,
последнее в судьбе.
Взлет мой и падение
последние в пути.
Последнее цветение,
вздых мой о тебе,
в последнем угасании
последние признания,
от которых не уйти.

18. ЗАЧЕМ ТЫ ВСТРЕТИЛСЯ?

Зачем же ты встретился мне,
я не знаю?
Зачем судьба вела тебя навстречу?
В такой вот поздний вечер?

Зачем ты нужен был,
и я зачем нужна была,

до сих пор я не понимаю?

Думала — все, что должна говорить,
давно я сказала,
кого встретить могла,
давно повстречала.

Ненаписанные страницы
лежат передо мной,
нет выхода, они мне снятся
даже в тиши ночной.

Мир настолько мгновенен,
и проходящи года:
набирайся терпенья,
всего не успеть никогда.

Вот в такое-то время,
когда к итогу иду,
когда спешу успеть я
все поймать на лету,
в такой вот поздний вечер
ты вышел мне навстречу...
Зачем ты мне нужен был?
Зачем я тебе нужна была?
Прошу тебя, скажи?

19. ДУШИ МОЕЙ ИСПЫТАНИЯ...

Души моей испытания
станут опавшей листвой.
Итак, между нами все кончено,
раненой, но живой
осталась и тебе приказала:

что в имени ведал моем,
верни,
чтоб следа не осталось
даже в сердце твоём.

— Все, что имя носило,
вернул я давно! — сказал, —
Единственное —
сердце,
но и сердце тебе я отдал, —
Добавил.
И эта пуля
сразила меня наповал.
Какой колодец глубокий
греха моего
ты мне
дал!

20. И БЫЛИ МАЛЫ РАССТОЯНИЯ...

И были малы расстояния,
что между нами
легли.
И были малы преграды,
через которые
мы прошли.
Мала оказалась земля,
где места нам
не нашлось.
Ты скрылся за океаном,
настигнуть
не удалось.
Как, скажи, выразить словом,
что выстрадала одна?
Когда явь стала сном далеким,
а сама я лишилась сна.

21. ОДНО МОЕ ИМЯ...

Тебя я бременем тяжким
в себе пережила.
Как облака свинцовые,
жизнь в те дни текла.

Траура я не надела
черного по тебе.
Душа разрывалась на части,
а я улыбалась беде.

И странное приключилось,
жива, не жива — не пойму.
И надежды не появилось,
что когда-нибудь оживу.

Но радость и в этом открыла
среди горечи, маеты:
в мире немало чуда,
и главное чудо — ты.

И нет на Земле надгробия,
чтоб строки на нем говорили:
здесь любовь похоронена,
мало ее хранили.

Твое ли свершилось желание,
рок ли прошел по судьбе —
имя мое стало
памятником тебе.

Нелли Золотинсковна Тарба
ВОЛШЕБНОЕ УТРО

Редактор С. А. Еремина
Худож. редактор Д. С. Мухин
Техн. редактор Г. В. Климушкина
Корректор Т. Н. Гуляева

ИБ № 6553

Сдано в набор 25.02.88. Подписано к печати 01.06.88.

Формат 70х 108 1/32. Бумага офсетная .№ 1. Обыкновенная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,7.
Уч.-изд. л. 5,74. Тираж 3 600 экз. Заказ № 143. Цена 65 коп. Ордена Дружбы народов издательство
“Советский писатель”, 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула,
проспект Ленина, 109

Тарба Н. 3.

Т 19 Волшебное утро: Стихи. Пер. с абхаз. — М.: Сов. писатель, 1988. — 176 с.

ISBN 5—265—00158—1

Стихи Н. Тарбы — это лирический дневник нашей современницы, женщины, матери, любимой и любящей,
способной глубоко чувствовать, ждать и верить, сумевшей пронести через все невзгоды нежность души и
чуткость сердца.

4702030200—225

Т 083(02) — 88 304—88

ББК 84 А6 7

(Сканирование, вычитка — Абхазская интернет-библиотека, <http://apsnyteka.org/>.)